

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ
«Безопасность Украины:
геополитическое измерение»

Кризис в Украине: зоны поражения

Взгляд социологов

Киев
ООО «Друкарня «Бізнесполіграф»
2010

УДК 338.124.4(477)
ББК 65.9(4Укр)2
Ш95

Редакційна рада серії:
Б.І.Олійник, Д.В.Табачник, І.В. Алексеев,
С.Р. Гриневецький, А.І.Дмитрієв, Г.К.Крючков

Видання громадського проекту «Безпека України: геополітичний вимір» виходять за сприяння парламентського міжфракційного депутатського об'єднання «Анти-НАТО» українською та російською мовами.

Ш95 Криза в Україні: зони ураження. Погляд соціологів —
К.: ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2010. — 116 с. Мова рос.
ISBN 978-966-1645-34-8

Автори видання – вчені Інституту соціології НАН України зазначають, що світова фінансово-економічна криза наклалася на зтяжну системну кризу українського суспільства, а поєднання внутрішніх проблем із глобальними створило загрозливу ситуацію для суверенітету держави. Аналізуючи прояви кризових явищ у різних секторах соціального простору, науковці показують, які ризики і загрози національній безпеці там виникають, що необхідно зробити для їх подолання і які ресурси для цього має суспільство.

Видання розраховане на широкі кола читачів.

УДК 338.124.4(477)
ББК 65.9(4Укр)2

© М.О.Шульга, 2010
© А.О.Зоткін, 2010
© О.Г.Злобіна, 2010
© О.С.Резнік, 2010
© Н.Л.Бойко, 2010
© М.А.Паращевін, 2010
© ТОВ «Друкарня
«Бізнесполіграф», 2010

ISBN 978-966-1645-34-8

ВВЕДЕНИЕ

Общественные кризисы обрушиваются на социумы так же неожиданно, как и болезни на человека. Кажется, все идет хорошо, все складывается прекрасно: человек чувствует себя здоровым, он полон планов и оптимизма. Но оказывается, что где-то внутри организма таится болезнь, развивается подспудно и вдруг неожиданно и резко дает о себе знать. Причем все люди, и каждый человек в отдельности, знают, как не допустить болезнь, – что надо следить за своим здоровьем, что нельзя переохлаждаться, переедать, что надо заниматься физкультурой, чаще бывать на свежем воздухе, больше отдыхать и т.д. И тем не менее, болезнь к человеку всегда приходит внезапно. А вероятность проявления непредсказуемых потрясений в обществе, построенном на рыночных отношениях, то есть на отношениях в принципе отрицающих сознательное регулирование, целенаправленное вмешательство человека в характер социальных связей, намного и намного больше.

Начавшийся в какой-либо стране кризис дезорганизует систему отношений прежде всего в этом обществе. Но значительно большую угрозу представляют мировые кризисы, парализующие целые континенты. Если в случае локальных кризисов есть какая-то надежда на помощь, поддержку близких и дальних соседей, то в случае глобального кризиса ситуация становится более опасной.

В чем особенности проявления нынешнего кризиса в Украине? Какие угрозы он создает для общества в целом, для отдельных сфер народного хозяйства, для

социальных институтов, в том числе и для государства, для отдельных ветвей власти? Как проявляется кризис в сфере политики, на региональном уровне, в области интернет-коммуникаций, в конфессиональных сообществах? Как проходит приспособление людей и организаций к кризису? Какие модели выживания формируются и какие из них уже получили заметное распространение? Какие ресурсы для преодоления кризиса имеются в украинском обществе, его культуре, в человеческом потенциале?

Круг этих вопросов поднимается в данной работе. Одни из них анализируются глубоко и детально, другие представлены в постановочном плане с целью привлечения внимания общественности, экспертов, исследователей.

Специфической чертой проявления мирового социально-экономического кризиса в Украине является то, что он наложился на затяжной системный кризис украинского общества. Продолжительный внутренний кризис на разных этапах выражался в разных формах – то как энергетический, то как бензиновый, то как газовый, то как сахарный и т.п. Но эти кризисы постоянно сопровождали политический и моральный кризисы общества. Сочетание внутренних кризисов с глобальным создало такую угрожающую ситуацию, когда под вопросом становится суверенитет государства.

Текущий кризис с разных сторон анализировали многочисленные авторы. Данная книга подготовлена учеными Института социологии НАН Украины. В чем отличие этой работы от других? Оно состоит прежде всего в том, что авторы издания, излагая свои представления о кризисе, опираются на мнения разных групп населения, которые им удалось в обобщенном виде получить в процессе эмпирического социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Украины в

апреле-мае 2009 года. Благодаря этому, авторы показывают более достоверную картину состояния общественного сознания, настроений различных общественных групп, их отношения к кризису. В работе рассматриваются личностные реакции на кардинально изменившиеся условия жизни, показаны разные уровни адаптированности населения к кризисным социальным условиям. Субъективный оттенок восприятия жизни, как показывает анализ, в значительной мере зависит от активной или пассивной позиции личности в социальной среде, а также от того, как человек видит свое будущее.

Изучая способы приспособления людей к кризисным условиям, авторы выделяют пассивные и активные модели адаптации, показывают, в чем их отличия, раскрывают демографические, социальные и психологические особенности социальных субъектов. В частности, один из разделов книги посвящен роли информационно-коммуникативных технологий, которые могут выступать средством реализации как активной модели адаптации к кризису, так и пассивной. В первом случае интернет-пространство выступает той средой, через которую и непосредственно в которой человек может найти себе работу, найти способы самореализации. В другом случае эта же виртуальная среда может выступать и средством пассивного приспособления к кризису – общение в интернет-сообществе, прослушивание музыки, просмотр фильмов, чтение художественной литературы, газет и т.п.

Умозрительно можно бы предположить, что в условиях кризиса люди будут обращаться к религии как средству утешения, способу психологического смягчения влияния навалившихся на них трудностей, можно бы предположить, что увеличится число людей, стремящихся войти в религиозные общины и там найти

разностороннюю поддержку. Однако в действительности всё оказывается не так, как можно было бы предполагать. В издании проанализировано участие в религиозной жизни женщин и мужчин, представителей различных возрастных групп.

Анализируя проявление кризисных явлений в разных секторах социального пространства, авторы показывают, какие риски и угрозы национальной безопасности там возникают, что необходимо сделать для их преодоления.

Вступление и первый раздел подготовлены доктором социологических наук Н.А.Шульгой, второй раздел – кандидатом социологических наук А.А.Зоткиным, третий – доктором социологических наук Е.Г.Злобиной, четвертый – кандидатом социологических наук А.С.Резником, пятый – кандидатом социологических наук Н.Л.Бойко и шестой раздел – кандидатом социологических наук М.А.Паращевиним.

КРИЗИС КАК УГРОЗА

ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Николай ШУЛЬГА,
доктор социологических наук, заместитель директора
Института социологии НАН Украины

Кризис стал главной проблемой не только для политиков, государственных служащих, политологов, социологов, но и для большинства простых граждан в 2008 – 2009 годах. Он коснулся в разной степени, разными сторонами всех сфер украинского общества, всех социальных групп, всех семей и практически каждого человека.

Правда, тема кризиса, по сути, не исчезала из украинского политического дискурса во все годы независимости. В течение всего этого периода страна поочередно и совместно переживала экономический, политический, социальный, демографический, экологический, духовный, моральный, ценностный кризисы. К кризисам в Украине за это время настолько привыкли, что в СМИ, в публичной риторике термин «кризис» то приглушался, то поднимался до крещендо. Хотя украинские социологи о кризисном состоянии украинского общества писали регулярно уже полтора десятилетия. Внутренний системный кризис в Украине не был преодолен до начала мирового финансово-экономического кризиса. В повседневной жизни это постоянно давало о себе знать через череду технологических аварий и природных бедствий – вывод из строя отопительных систем целых городов, взрывы газа в жилых домах с многочисленными жертвами, масштабные лесные

пожары, разрушительные наводнения, периодические вспышки эпидемий в санаториях, домах отдыха и детских учреждениях и т.д. На дорогах страны ежегодно погибало в два раза больше людей, чем в трехсотмиллионных Соединенных Штатах Америки.

В более обобщенной форме говорили об энергетическом, бензиновом, газовом, сахарном кризисах, о кризисах в сфере машиностроения, легкой промышленности, медицины, образования, культуры, спорта...

Точки зрения о пребывании общества в состоянии перманентного кризиса придерживались многие политологи, юристы, экономисты, этики. Например, Александр Дергачев отмечал, что «особенность Украины в том, что она с момента своей независимости никогда не знала некризисного состояния. Все эти 18 лет мы переживаем разные виды кризисов: экономический, элитный, политический... Еще не случалось на нашем пути такого, когда мы бы могли сказать: это нормальное состояние, поэтому нам не с чем сравнивать. Все это говорит лишь о том, что наша страна переживает перманентный кризис, поскольку декларировалось одно, а реально строилось другое» (1).

Термином «кризис общества» обозначают момент, когда модель его функционирования дает серьезные сбои, ведущие к разрушению всей системы, когда невозможно воспроизводство социальной системы на прежних принципах, когда разрушается устоявшаяся организация жизни общества. Кризисы могут проявляться как системные и как частные – кризисы отдельных подсистем. Частные кризисы существенно влияют на состояние всей общественной системы, но далеко не всегда ведут к ее изменению.

Исследователи обращают внимание на то, что процессы развертывания и прохождения этапов социальных кризисов изучены плохо, что, как правило, внимание

сосредоточивается либо на причинах возникновения кризиса, либо на изменениях, к которым он приведет. Сам же кризис по традиции считается переходом, скачком, «черным ящиком», у которого известно только то, что на входе и на выходе (2).

Пока что мало конструктивного для объяснения ситуации кризиса дает и синергетика, которая рассматривает скачок как состояние одновременного, параллельного разрушения старого и созидания нового. Но схема является слишком общей и зачастую является малопродуктивной для анализа кризиса в конкретном обществе. Сегодня мы являемся свидетелями и участниками долговременного системного социального кризиса, для которого характерно развертывание по всему фронту разрушительных процессов, и совсем малозаметными являются новые, созидательные тенденции. Такое состояние некоторые авторы поясняют тем, что «процесс разрушения старой системы может опередить противоположный процесс так, что на какое-то время человек оказывается среди социальных руин и не располагает ничем, кроме этих руин», – пишет Л.Бляхер (2).

Нынешний мировой кризис аналитики определяют как финансово-экономический и хронологически ведут его отсчет с лета, а в Украине – с осени 2008 года. Правда, у украинской власти поначалу было другое мнение, она пыталась успокоить своих сограждан тем, что кризиса у нас нет, что эта беда нас миновала, поскольку у нас иная, чем в промышленно развитых государствах экономическая структура, и что мы слабо интегрированы в мировую хозяйственную систему. Вспомним выступление премьер-министра Ю.Тимошенко на заседании Кабинета министров в октябре 2008 года, где она заявила, что «на сегодняшний день проявления мирового финансового кризиса в Украине ни в каких жестких формах не существуют» (3). Да и о его окончании премьер-министр поторопилась объявить еще

в июле 2009 года: «Украина начала постепенно выходить из экономического кризиса» (4). К сожалению, кризисные явления в украинском обществе, в том числе и в финансах, и в экономике, не говоря уже о политике и морали, еще не только продолжают, но в ряде сфер еще не достигли дна.

Специфика нынешнего мирового кризиса состоит в том, что многие исследователи его рассматривают не как очередной кризис в рамках капиталистических отношений, а как кризис всей этой системы. «Есть основания думать, – пишет Г.Кнабе, – что происходящий кризис выходит далеко за рамки финансов и экономики, что в нем нашло выражение исчерпание той цивилизации, в которой мы жили во второй половине XX столетия, а при более глубоком взгляде и значительно дольше» (5). Такая характеристика мирового кризиса становится дополнительным неблагоприятным условием для преодоления многочисленных проблем, накопившихся в украинском обществе. Уже двадцать лет оно находится в состоянии транзита без четко обозначенного конечного пункта. Каждая из многочисленных политических элит агитирует за свои ценности, призывает массы идти в направлении ею обозначенного ориентира. Из этих направлений движения никак не складывается общий для всего общества азимут. И если и раньше в нашем обществе не было найдено консенсуса по поводу дальнейшего вектора развития страны, то в условиях все более выразительно звучащей в мировом сообществе тревоги об исчерпании ресурса современного капитализма и определенной растерянности в отношении определения вариантов будущего задача выбора нами собственных перспектив еще более усложняется. Хотя, с другой стороны, возможно, история дает нам шанс сразу влиться в мировой мейнстрим без болезненного отказа от накопленного социального комфорта, поскольку его у нас сейчас просто нет.

Но влиться в общее русло будущего движения Украине можно только будучи современным общественным субъектом, характеризующимся экономикой, основанной на передовых технологиях, высокой общей и востребованной временем профессиональной подготовкой населения, отлаженной демократической системой власти, консенсусом элит, консолидированными социальными, региональными, этническими, языковыми, религиозными, ценностными группами. А такое состояние общества достигается многолетней слаженной целеустремленной работой всех его групп. И тут перед нами снова встает вопрос, как наладить соответствующий социальный порядок в обществе.

А пока что трудно определить, как долго будет продолжаться нынешний кризис. Если судить по самооценкам наших респондентов, то хотя они и почувствовали на себе его негативные последствия, все же в апреле 2009 года, когда проводился опрос, многие еще не осознавали масштабы кризиса и его угроз лично для себя. Поэтому крайне важно рассматривать данные соцопросов, основанных на личностном восприятии социальных процессов, в контексте других показателей: состояния экономики, политики, культуры, социальной сферы. В таком случае мы можем давать более трезвый социальный диагноз, не приукрашивая реальное положение дел и не впадая в алармизм.

Несмотря на обнадеживающие заявления некоторых должностных лиц, факты говорят о том, что можно вести речь не о достижении дна кризиса, а лишь о замедлении темпов сокращения экономической активности. Участники Первого международного ежегодного форума по вопросам экономического развития Украины, состоявшегося в октябре 2009 года в Вашингтоне, пришли к выводу, что падение ВВП в текущем году составит около 14% (6). Специалисты отмечали, что даже при среднегодовом падении ВВП в 2009

году на 8% его объем будет составлять 68% по отношению к уровню 1990 года (7).

Кризис неравномерно поразил разные отрасли народного хозяйства. Наиболее твердо стояло на ногах сельское хозяйство – в нем объемы производства практически не сократились. А одной из наиболее уязвимых отраслей оказалось строительство. Здесь объемы производства в январе-сентябре 2009 года снизились на 52% по отношению к этому же периоду 2008 года.

Выход из экономического кризиса предстоит для Украины трудный. Если не будут предприняты кардинальные меры по изменению принципов управления, а экономика не перейдет на новейшие технологии, страна все больше и больше будет отставать от промышленно развитых государств. Основываясь на прогнозе Минэкономики Украины, доктор экономических наук А.Ревенко сделал пессимистический и оптимистический прогнозы роста ВВП Украины на ближайшие десятилетия. По пессимистическому сценарию к 2020 году наш ВВП будет составлять всего лишь на 1,1% больше, чем в 1990 году, а по оптимистическому – на 17,8%. Но при этом следует учесть, что мировой ВВП к 2008 году уже вырос на 38-40% по отношению к 1990 году (7).

Кстати, наше нарастающее отставание от других стран ощущают на основе своего практического опыта многие простые граждане Украины. На вопрос: «Если подумать о возможных изменениях в нашей стране лет через десять, то что, по Вашему мнению, наиболее вероятно: Страна догонит по экономическому уровню развитые страны?» 54 % из них ответили «маловероятно» и еще 20% – «совсем невероятно».

Украинским политикам, государственным служащим и ученым следует реалистически оценивать состояние нашей экономики, народного хозяйства, уровень жизни населения среди стран мира. Уже сегодня мы не только потеряли те

позиции, по которым опережали другие страны, но отстали даже от своих ближайших соседей, от бывших советских республик. В 1990 году ВВП на душу населения в Украине был выше среднемировых показателей на 11%. Но уже в 2006 году этот показатель в Украине составлял 6224 долл., что на 33% ниже от среднемировых показателей (9316 долл.). По отношению к некоторым другим странам это выглядело так: Колумбия – 6381 долл., Куба – 6876, Беларусь – 9737, Казахстан – 9832, Россия – 13205 долл. (7).

Кстати, среди стран Европы по уровню ВВП на душу населения Украина занимает одно из нижних мест и опережает по данному показателю только Молдову и Албанию (8).

Наш опрос зафиксировал реакцию населения на кризисные явления на апрель 2009 года. К сожалению, негативные процессы в экономике и социальной сфере нарастали и в последующие месяцы. Так, в течение января-сентября 2009 года розничная торговля сократилась на 21% по отношению к соответствующему периоду 2008 года. Этот показатель свидетельствует о падении жизненного уровня населения.

Развертывание мирового финансово-экономическо-го кризиса создало дополнительные проблемы для украинских граждан. В качестве примера можно взять падение курса американского доллара по отношению к другим валютам, следствием чего является обесценивание сбережений многих людей, которые хранили свои накопления в этой валюте в банках или на дому. С другой стороны, не меньшие потери несут и те, кто имел вклады в гривнах – падение курса гривни (даже к полегчавшему по отношению к другим валютам доллару) с 4,9 летом 2008 года до 9,5 за один доллар в марте 2009 года почти наполовину обесценило их сбережения. К тому же, как первые, так и вторые оказались жертвами разорения банков, замораживания депозитов.

В связи с резким ухудшением условий жизни украинских граждан в 2009 году есть опасность мифологизации 2005-2007 гг. как периода «хорошей жизни». В действительности у нас еще не было экономической стабильности и сносного уровня жизни. Был небольшой период некоторого облегчения, незначительного улучшения финансового состояния семей всех социальных слоев, снижения уровня тревожности населения. Значительная часть из того, что воспринималось как повышение жизненного уровня, держалось на кредитах, ставших доступными именно в 2005-2007 гг. Но все это происходило в рамках системного кризиса общества, в который оно попало еще в начале 90-х гг. прошлого века.

Мировой финансово-экономический кризис помог развеять иллюзию наступающего материального благополучия, ускорил отрезвление легковесных и безответственных кредиторов. Это же потрясение очередной раз указало на ущербность, деформированность, асимметричность деградировавшей украинской экономики. Только несколько отраслей – металлургия, химия, сельское хозяйство – производили продукцию, востребованную на мировом рынке: различные виды металлопродукции, удобрения, зерно, подсолнечник и растительное масло. На этом, по сути, список и заканчивался.

Когда спрос на эту продукцию упал, очередной раз обнажилось все убожество, деформированность и абсурдность нашей экономики. В ней сохраняется тяга к самым примитивным и разорительным формам экономической деятельности – бартерным операциям, теневым схемам.

По оценкам Минэкономики Украины, теневой сектор в первом полугодии 2009 года снова возрос и составлял 36% ВВП. И это самая скромная оценка. По данным же Счетной палаты Украины, в сентябре 2009 года доля теневого оборота

превысила 40%, а Мировой банк придерживается мнения, что «в тени» находится 50% украинской экономики (9).

Экономический и финансовый кризис, охвативший большинство стран мира, спровоцировал в Украине обострение давних проблем не только в экономике, но во всех сферах общества. Результатом этих негативных процессов на уровне личности является переход в состояние депривации. Последнее рассматривается как сокращение удовлетворения ставших уже привычными для человека потребностей. Речь идет не о единичных случаях отказа от потребления каких-либо благ, а о переходе на новый, обедненный образ жизни. Уже на момент опроса, то есть на апрель 2009 года, респонденты растратили имевшиеся у них резервы и 51,5% из них заявили, что кризис по отношению к ним проявился в том, что они сократили потребление продуктов питания, а 62% уменьшили покупки одежды, обуви, других вещей.

Для населения нашей страны явления депривации переживаются по-другому, чем в благополучных странах. Это связано с мобилизованной, живой памятью о лишениях, которые переживали либо ныне здравствующие люди разных возрастов, либо о подобных периодах еще хранится живое представление в семейных преданиях. Мобилизованная память о лишениях в определенной мере смягчает восприятие актуальных ограничений.

Кроме того, воспроизводство кризисных явлений, социальная маргинализация, хаотизация жизни в государстве в течение многих лет формируют в обществе специфическое состояние привыкания населения к такому образу, такой картине социальной жизни. Люди постепенно привыкают к очередному сокращению уровня жизни, как они привыкают к разбитым дорогам и неосвещенным улицам, отсутствию в квартире горячей воды, к неработающему лифту, незасеянными полям и с утра

до ночи пьющим мужчинам (да и женщинам). Привыкают к грязи в подъездах, грубости на почте и в пенсионном фонде, привыкают к бесправию, необязательности, лжи. Привыкают к парадоксам жизни, когда Конституция провозглашает Украину социальным государством, а повседневная практика среднего украинского гражданина убеждает его в необходимости платить за все – за обучение детей в школе, в вузе, в аспирантуре, за посещение поликлиник и больниц.

Конечно, нельзя феномен привыкания сводить только к негативным социальным явлениям. Привыкание – только механизм адаптации к новым условиям и образу жизни. А его содержательное наполнение, кстати, как и формы социального выживания, зависит от глубинных моделей культуры народа, от его традиций организации жизни, в том числе и повседневной. Например, большинству японцев, которые оказались в трудных условиях реформ последней трети XIX столетия, были присущи, по словам русского чиновника и писателя В.В.Крестовского, который посетил Японию в 1880-1881 гг., «трезво-трудова, опрятная бедность, при которой народ не опускает рук, не попрошайничает, не пьянствует, а только трудится больше, чем прежде, перенося с бодрым духом свой тяжелый экономический кризис» (10).

Феномен привыкания держится на традиции терпения, повиновения и он, как правило, в нашем обществе, в нашей культуре соседствует с феноменом выживания. Последний является специфическим способом жизнедеятельности, который опирается на крайне низкие жизненные ресурсы. В условиях дефицита жизненных ресурсов человек направляет, концентрирует имеющийся у него потенциал на удовлетворение непосредственных, базовых потребностей – в еде, одежде, жилье – и отказывается от всех других. Вся жизнедеятельность человека сосредоточена вокруг того, чтобы воспроизвести себя физически и помочь это сделать

своим близким, чтобы удовлетворить самые простые, самые необходимые социальные потребности. То есть он не может, у него нет возможности удовлетворять другие потребности, прежде всего культурные, досуговые, креативные, познавательные, потребности в полноценной поддержке и воссоздании здоровья.

Человек организует в таких условиях свою жизнь как ожидание: сейчас добиться лишь элементарного воссоздания жизни, а после уже можно будет полноценно развиваться. Выживание – это откладывание удовлетворения своих потребностей, важных поступков, действий на будущее. Жизнь в этих обстоятельствах как бы консервируется, она упрощается, из многогранной превращается в плоскостную. Выживание как образ жизни в конечном счете может быть определено как организация жизни личности в условиях крайне ограниченных ресурсов, когда все формы активности направлены на самосохранение.

В ситуации выживания все элементы внутренней структуры личности ревизуются, поскольку цели, ориентации, установки, нормы, стандарты, образцы более благополучного этапа жизни здесь становятся инородными, они не действуют, точнее – не срабатывают. Прежние жизненные смыслы становятся неадекватными реалиям, привычный объем потребностей сокращается. Привычные, обыденные варианты поведения, дававшие результат прежде, становятся рискованными, положительные результаты социальных ходов, основанных на прежней логике, никак не гарантируются. Некоторые люди начинают понимать неэффективность своих установок, хотя еще и не могут выработать новых. Их собственное поведение, не достигающее социальных ожиданий, формирует у них внутренний дискомфорт, высокую тревожность. Другие не осознают несоответствие своих внутренних ориентаций новым внешним обстоятельствам. Элементы их личностной

структуры являются ответом, отражением того социального мира, которого уже нет. Неэффективность их схем поведения на практике тоже вызывает неудовлетворенность и дискомфорт.

Ранее стабильная, относительно устойчивая система социальных отношений личности разрушается. Ее позиции в обществе становятся менее очерченными, размытыми. Она теряет опоры для самоидентификации.

В условиях выживания поведение личности не может строиться на основе ее жизненной стратегии, поскольку для этого у нее нет никаких ресурсов: материальных, социальных, психологических. Ограниченность ресурсов личности сокращает варианты ее жизненных выборов. Ее социальное поведение ограничивается короткими жизненными проектами, которые базируются на непосредственных возможностях. «Короткие жизненные проекты – это индивидуальные планы, видение своих перспектив (социальных, экономических, духовных, семейных) на непродолжительное время. Под непродолжительным временем в данном случае мы полагаем возможным рассматривать социальное время, не превышающее одного-двух календарных лет», – пишет В.В.Кривошеев (11).

Следовательно, в культуре наших людей присутствует сложный комплекс «депривация – привыкание – выживание», который обеспечивает воспроизводство общественной жизни в кризисных условиях и выступает своего рода амортизатором, гасителем крупных социальных конфликтов.

Следует обратить внимание на то, что в состоянии депривации украинское общество попало в 90-е годы, когда практически все социальные группы оказались в состоянии выживания. Если же нынешний кризис затянется, а вместе с ним и депривационное состояние больших масс людей, то обнаружится новая картина жизни: теперь достаточно

четко обозначилась богатая часть общества. В этой ситуации огромный разрыв между богатыми и бедными становится взрывоопасным. Впрочем, потенциальная взрывоопасность не означает непосредственной угрозы. Особенно в украинском обществе.

Хотя с позиций анализа нельзя ни один из возможных сценариев развития общественных процессов категорически отбрасывать. Можно говорить лишь о том, что существует большая или меньшая вероятность развития событий по какому-либо варианту в данный конкретный момент. В середине 80-х годов XX столетия некоторые аналитики по отношению к Румынии, находящейся под властью Н. Чаушеску, применяли метафору: «мамалыга не взрывается». Но как оказалось, уже в конце 1989 года она взорвалась, да еще и как!

Предлагая эту объяснительную схему преодоления кризисов на уровне повседневной жизни украинских граждан, мы обращаем внимание и признаем большие трудности отечественной науки в объяснении и оценке происходящего в стране. Мы не имеем надежной теории, способной объяснить нынешнее состояние украинского общества, у нас нет необходимого для этого понятийно-категориального аппарата. Методолого-теоретические трудности переживают и социальные философы, и политологи, и экономисты, и социологи, и представители других социогуманитарных наук. Решая текущие задачи, социологи, натолкнувшись на познавательные проблемы, в лучшем случае используют метафоры, стихийные социологические предположения, а чаще – обыденные представления, словесные штампы повседневной речи. Попытки импортировать для нашего общества объяснительные схемы, возникшие для объяснения других обществ, на поверку оказались неоднократно тоже малопродуктивными.

Из этого следует несколько выводов. Во-первых, тот, что никто, кроме самих украинских социологов, не способен создать адекватную картину украинских реалий, дать их квалифицированный анализ, разработать объяснительную теоретическую модель общественных процессов.

Во-вторых, как и прежде, остро стоит задача создания картины социологического видения современного украинского общества. Нужны теоретические модели объяснения происходящего в стране, нужен разветвленный научный аппарат, способный дать адекватный практике образ общества. Без этого наша социальная жизнь будет оставаться необъясненной, а, следовательно, неуправляемой и непрогнозируемой.

К факторам, осложняющим течение нынешнего кризиса в нашем обществе, относится масштабная разбалансированность между институтами государства. В правовом отношении она рассматривается как неурегулированность ряда положений Конституции, особенно после внесения в нее изменений в 2004 году. Однако это только маленькая часть того, что связано с расстройством, с разрушением социального порядка в украинском обществе. Катализатором разрушительных процессов в обществе и государстве выступает разъединенность и противостояние политико-экономической элиты Украины.

Не останавливаясь на детальном описании деструкции социального порядка, отметим только ряд его направлений: ослабленность государственной власти противостоянием ее ветвей; игнорирование законов всеми – государством, бизнесом, гражданами; размытая, неустойчивая социальная структура; стремление нуворишей получать только сверхприбыли в любой сфере деятельности и при любой экономической конъюнктуре; повсеместная, глубоко укорененная во всех порах общества коррупция; недоразвитость институтов гражданского общества. К

этому следует добавить, что высшие государственные органы уже 18 лет находятся в состоянии перманентного аврала. К тому же в общественном сознании потеряна престижность государственной службы, а в ее учреждениях существует огромная текучесть кадров, персональный состав постоянно меняется, а от этого качество аппаратной работы государственных органов стало крайне низким, теряется наследственность в управлении государством и обществом.

В итоге наша страна все больше напоминает то виртуальное государственное образование, которое описал в своем романе «Абсурдистан» выходец из Ленинграда, а в настоящее время американский писатель Гарри Штейнхарт (12).

Наш Абсурдистан – это социальный организм со все более разрушающимся социальным порядком и с утверждающимся во всех общественных нишах хаосом. Хотя формально продолжают существовать социальные институты, цель которых поддерживать социальный порядок. Однако из-за того, что каждая из ветвей власти проводит собственную внутреннюю и внешнюю политику, высший законодательный орган не разрабатывает самых необходимых законов годами, Кабинет министров по несколько месяцев не имеет почти половины членов правительства, власть предрержащие игнорируют Конституцию и законы, суды распределены между разными сюзеренами, в пользу которых и принимаются их решения, произошло длительное зависание страны в состоянии хаоса. В нашем обществе и государстве утвердился идеальный постмодерн – вся социальная реальность имеет условный характер: у нас как бы есть рыночная экономика, как бы есть средний класс, как бы есть демократия.

Раскол элит, противоборство на уровне ветвей и институтов власти привели к тому, что в стране не разработана

скоординированная единая программа преодоления кризиса. Неконсолидированность политических и экономических субъектов на протяжении многих лет разбалансировала все институты, обеспечивающие социальный порядок в государстве и обществе. В таких условиях вмешательство внешних агентов (правительств отдельных стран, международных организаций) во внутренние дела страны преподносится как благо. Такое вмешательство стало чуть ли не систематическим. Достаточно вспомнить лишь два примера. Так, за несколько дней до голосования в Верховной Раде Украины по вопросам бюджета, пенсий и таможенным пошлинам в газете «Зеркало недели» появилась статья комиссара ЕС по внешним связям Бениты Ферреро-Вальднер, в которой она давала установки, как должны голосовать депутаты: «Во вторник 31 марта Верховная Рада Украины будет рассматривать законодательный пакет, имеющий особое значение в истории Украины. Он будет включать в себя вопрос бюджетной и пенсионной политики (как того требует МВФ) и отмену 13-процентной надбавки на ставку ввозной таможенной пошлины, которая стала источником обеспокоенности всех основных торговых партнеров Украины. Парламент должен принять суверенное решение, но я надеюсь, что все депутаты вспомнят уроки истории и примут во внимание долгосрочную ценность антикризисных мер, а не краткосрочные политические интересы своих партий. ... Я хотела бы, чтобы народные депутаты Украины помнили об этом (выделено нами –Н.Ш.), когда будут рассматривать законодательный пакет, представленный в Верховную Раду» (13).

Другим примером из этого ряда может служить заявление по итогам работы в Киеве в октябре 2009 года миссии МВФ в Украине. В нем даются указания высшим должностным лицам страны: «Теперь Миссия ожидает, пока поддержка согласованного пакета мероприятий

экономической политики будет выражена со стороны четырех высокопоставленных должностных лиц, которые поставили подписи под программой, — президента, премьер-министра, министра финансов и председателя Нацбанка — включительно с предоставлением заверений относительно применения права «вето» к принятому на этой неделе Верховной Радой закону о росте зарплат и пенсий, который идет в разрез с финансовыми целями программы власти Украины» (14). За подобными действиями просматривается тенденция медленной потери государственного суверенитета. Впрочем, со слабыми субъектами международных отношений поступали так всегда.

Под давлением всех упомянутых выше условий и факторов в обществе сложилась неблагоприятная социально-психологическая и моральная атмосфера. Очень многие люди деморализованы и разочарованы, ушли в себя, уединились, принципиально игнорируют участие в любых общественных мероприятиях. Свой социальный эскапизм они рассматривают как форму социального бунта. В его основе лежит определенная реакция на свою политическую наивность, выразившуюся в недавнем прошлом в том, что они искренне поверили обещаниям политиков. Многие граждане переживают глубокое разочарование в том, чем на самом деле обернулись красивые слова их вчерашних кумиров. Среди них немало людей, у которых разочарование преобразовалось в месть, в месть вождю Майдана.

Теперь в их сознании вождь превратился в «козла отпущения». Они его ненавидят, насмеваются над ним, иронизируют, смотрят на него свысока. Этими актами они компенсируют свою социальную близорукость, неспособность распознать среди политиков людей никчемных, ничтожных, демагогов, политических авантюристов.

Хотя их бывший вождь практически не изменился – как был оторванным от жизни утопистом, певцом патриархальщины, таким и остался. Впрочем, многие разочарованные тоже мало в чем изменились. Они обижены на вождя за то, что он им не преподнес обещанную «халяву», близость прихода которой они уже предвкушали в 2004 году. Вторые наверное опаснее, чем первый. Первый скоро уйдет, а вторые, которые его привели на высшую государственную должность, останутся. И не известно, кого они приведут в следующий раз.

Моральная деградация общества стала тотальной. Она пронизывает все его социальные слои и группы. Особенно опасным является то, что аморализм и цинизм глубоко поразили людей, находящихся при власти, причем укоренился во всех эшелонах власти, включая и самые высшие. Наиболее резонансные преступления совершают те, кто по должности должен обеспечивать законность и порядок, быть образцом нравственного и правового поведения. На протяжении только нескольких недель конца лета и начала осени 2009 года граждане стали свидетелями жестокого убийства беззащитного человека в Кировоградской области, в котором участвовали народный депутат, районный прокурор, начальник райотдела милиции. Как правило, расследования о преступлениях с участием высоких должностных лиц, их детей и родственников спускаются на тормозах, а виновные выходят сухими из воды. И, как символ торжества беззакония, как знак подтверждения господства в обществе криминала, народный депутат – участник трагических событий в Кировоградской области – исчезает, уходит от следствия. Не успели затихнуть страсти вокруг этого преступления, как становится известным, что в Харьковской области один из тех, кто должен бороться с распространением наркотиков – заместитель начальника отдела борьбы с незаконным оборотом

наркотиков Харьковского областного УВД, сам возглавлял преступную группу, поставлявшую и распространявшую наркотики. А вместе с ним в преступную группу входил и начальник отделения криминальной милиции по делам несовершеннолетних, то есть то лицо, которое должно возглавлять работу по пресечению проникновения наркотиков в молодежную среду. Кроме преступлений с участием должностных лиц все чаще стали совершаться заказные убийства. Печально привычными стали сообщения о расстрелах и подрывах бизнесменов, работников СМИ – в Киеве, Днепропетровске, Львове, других городах, а также в селах.

Разгул преступности, аморальности стал настолько масштабным, что зло банализируется, восприятие его проявления притупляется. Кажется, что уже нет никаких, даже самых жестоких, похабных и отвратительных преступлений, которые бы не совершались в Украине и в которые бы не были вовлечены те, кто занимает высшие ступеньки в структурах власти. Вершиной морального уродства стало дело о педофилах, фигурантами которого снова оказались представители и власти, и воспитательных институтов.

На этом фоне взаимное попустительство, снижение моральных требований людей во всех звеньях официальных и неофициальных отношений, в политической и экономической сферах, на производстве и в быту становится малозаметным и как бы не заслуживающим внимания. Ненормальное, девиантное поведение становится повседневной нормой.

В таком состоянии, как сегодня, Украина не сможет продержаться бесконечно долго. Все равно произойдут существенные изменения в жизни страны. К сожалению, пока остается большая вероятность усугубления нынешней кризисной ситуации, чем благоприятной перспективы

выхода из нее. Ведь практически причины всех кризисных событий, которые проявлялись в предыдущие годы, не устранены. Их проявление только отсрочено. Но накопление кризисных факторов, в конце концов, разразится потрясениями или даже катастрофой. Задача ученых – не скрывать факты и не запугивать, а давать объективный диагноз состояния общества, фиксировать все проявившиеся тенденции, указывать, как на те, что несут угрозы, так и на те, что открывают путь выхода из тупика.

В украинском обществе на данный момент еще не сформировались социальные слои и группы, которые станут движущей силой и социальной базой общественных преобразований. Олигархические группы в процессе перераспределения собственности захватили огромные ресурсы и уже сложились и стали узнаваемы в обществе. Но их доминирование не может быть бесконечно долгим, поскольку нынешнее господство олигархов обеспечивается неустойчивостью социальных институтов и размытостью социальной структуры. По мере развития производства, основанного на современных технологиях, становления новых видов услуг и обслуживания, складывается новое разделение общественного труда, формируются новые социальные группы. По мере усиления и укрепления их общественного статуса произойдут изменения и в их групповом сознании: углубится осознание своих интересов, выкристаллизуется групповая самоидентификация, будут выработаны коллективные цели. Формирование новых общественных групп и слоев уже фиксируется исследователями. Например, американский социолог Ричард Флорида утверждает в своей новой книге, что все больше набирает силу и общественный вес креативный класс. К нему ученый относит те слои, «чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых технологий и нового креативного содержания» (15). Они

уже составляют, по мнению Ричарда Флориды, 30% работающих американцев.

В рассуждениях американского социолога акцент делается на производстве, а не на потреблении. Креативный класс в отличие от среднего класса связывается с технологическим прогрессом. Эта идея требует своего осмысления. Может, выбирая перспективы развития украинского общества, следует ориентироваться на рост не столько среднего класса, сколько креативного?

Но это проблемы отдаленного будущего. Сегодня же задача состоит в том, как побыстрее и с меньшими потерями выйти из нынешнего кризисного состояния. Некоторые авторы считают, что кризис может сыграть и положительную роль.

Сейчас немало пишут о том, что кризис кого-то там сплотит, кого-то мобилизует, кого-то подтолкнет к самоорганизации, спровоцирует на выступления в защиту своих интересов, против произвола монополий и господства олигархов. По-нашему мнению, никаких предпосылок в украинском обществе для таких выводов нет. Для этого у нас нет необходимых общественных условий. Во-первых, у нас нет авторитетных в массах социально-политических идей, а тем более одной большой идеи, способной консолидировать общество для глубокого реформирования, преобразования. Во-вторых, у нас нет каких-либо социальных групп, идентифицирующих себя в качестве если не общественного гегемона, то хотя бы достаточно активной социальной силы, способной добиваться своих требований и идти к своей цели. В-третьих, у нас нет даже конгломератной, распыленной критической массы ненависти, способной побуждать к неорганизованному бунту, последствия которого потребовали бы реформирования системы.

Поэтому можно с большой долей вероятности утверждать, что украинское общество выкарабкается

из кризиса измотанным, ослабленным, еще более атомизированным и в прежнем качественном состоянии – подавленности, апатии, недовольства, отчаяния, недоверия, разобщенности, пассивности, пофигизма и дремоты и с прежней структурой экономики и господством бюрократии, а значит и с не меньшим, чем сейчас, уровнем коррупции снизу доверху. К тому же, это произойдет уже после президентских выборов 2010 г., а, возможно, и досрочных парламентских. А значит, ко всем названным характеристикам прибавятся еще и другие. Назовем некоторые из них. Во-первых, дальнейшее ослабление государственной власти, поскольку президентские выборы будут проходить в формате не только противостояния кандидатов и их команд, но и противостояния всех трех ветвей власти. Во-вторых, результатом выборов станет очередной раскол элит, их реформатирование, а точнее, новый тур перебежек, измен, предательств, что с неизбежностью негативно повлияет на и без того неблагоприятную морально-психологическую атмосферу общества. В-третьих, снова, как и в 2005 году, в полную силу проявятся месть проигравших и мщение победителей. А на телезрителей обрушатся очередные разоблачительные ток-шоу, на читателей газет и интернет-сайтов – лавина компромата. В-четвертых, те, кто придет к власти, будут громко где только можно убеждать сограждан в «высоких достижениях» именно их команды. А как же! Достигнув самых глубоких впадин экономического кризиса в 2009-м, даже слабое шевеление украинской экономики в 2010 году может выглядеть как успех по отношению к предыдущему году. Вот тут-то те, кто будет находиться у власти, непременно расскажут народу о процентах роста, процентах «успеха», о «достижениях».

Прогнозируя и формируя видение Украины на ближайшие десятилетия, необходимо выходить не

только из внутренних предпосылок развития страны, но и учитывать направление развития глобального целого, в котором Украина будет занимать определенные позиции. А вот какие позиции она будет занимать, зависит от того, какие цели будут выдвигаться украинским истеблишментом, насколько профессионально будет подготовлен проект достижения этих целей и насколько реалистичной будет программа развития страны на эти годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капсамун І. Про нереалізований проект — Україна / Іван Капсамун // День. -2009. – 12 вересня.
2. Бляхер Л. Нестабильные социальные состояния. Из книги, готовящейся к печати в издательстве «РОССПЭН» / Леонид Бляхер http://www.russ.ru/publishers/extracts/20050314_lb.html
3. Тимошенко не бачить ознак фінансової кризи в Україні. <http://news.liga.net/news/N0855740.html>
4. Тимошенко: Украина выходит из кризиса. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=304008>
5. Кнабе Г. Год конца истории. Двадцатилетие конца истории / Георгий Кнабе <http://www.russ.ru/pole/God-konca-istorii>
6. Економіка відновлюється... чи, як і раніше, падає? / Дзеркало тижня. -2009. -24 — 30 жовтня.
7. Ревенко А. «Мінус двадцять», про які багато хто говорив / Андрій Ревенко / Дзеркало тижня. - 2009. -4 — 10 липня.
8. В рейтинге европейских стран Украина оказалась третьей от конца. <http://www.vsesmi.ru/news/2232435/>

9. Давиденко Б. Економіка: в тіні 36% / Борис Давиденко / Дело. – 27 жовтня 2009. <http://delo.ua/ekonomika/makroekonomika/ekonomika-v-teni-132762/>
10. Цит. за: Алпатов В. Ларец с потерянным ключом / Владимир Алпатов / Независимая газета. - Ex-libris. -2005. – 3 ноября.
11. Кривошеев В. В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе / Кривошеев Владимир // Социологические исследования. –2009. -№3. –С.58.
12. Штейнгатт Г. Абсурдистан / Гарри Штейнгатт. –М. – 2007.
13. Ферреро-Вальднер Б. Час для розсудливості і єдності / Беніта Ферреро-Вальднер –Дзеркало тижня. -2009. – 28 березня.
14. Княжанський В. Що виявив МВФ. І чого не побачив? / Віталій Княжанський –День. -2009. – 27 жовтня.
15. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Ричард Флорида -М. -2007. –С.60.

ВНУТРЕННЯЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ УКРАИНЫ: ИСПЫТАНИЕ ПЕРМАНЕНТНЫМ КРИЗИСОМ

Андрей ЗОТКИН,
кандидат социологических наук, научный сотрудник
Института социологии НАН Украины

Глобальный финансово-экономический кризис является наиболее актуальной темой в информационном пространстве сегодняшнего дня. Однако в каждой стране, в каждом обществе его проявления имеют свои специфические черты, тем самым демонстрируя степень обеспечения национальной безопасности, уровень реальной готовности к угрозам глобального мира. Кризис оказал стимулирующее влияние на страны азиатского региона. Некоторые из них направили свои усилия на внутренний рынок и продемонстрировали хоть и меньший за прошлый год, но все же экономический рост (Китай, Индия). В странах развитого капитализма, откуда и берет свое начало мощнейший за последние 70 лет экономический спад, можно наблюдать оборонную позицию правительств, пытающихся защитить экономические структуры своих стран от банкротства и разрушения. Последствия кризиса

для них стали более тяжелы и ресурсозатратны. Банкротство крупных корпораций, системообразующих банков, рост уровня безработицы и снижения покупательной способности – вот очень краткий перечень экономических последствий. Кризис коснулся не только экономических структур, но и жизни каждого человека. Что, в свою очередь, отразилось на психологическом состоянии людей и их социальных отношениях.

Украина является страной, которая вошла в топ-список наиболее пострадавших стран, поскольку имеет экономику, зависимую от экспорта и внутривнутриполитической ситуации. Экономический базис является определяющим фактором в уязвимости системы национальной безопасности Украины. Однако можно говорить об объективных (показатели экономического спада и роста безработицы) и субъективных (показатели общественного мнения и самочувствия граждан) проявлениях кризиса в Украине. По показателям первых Украина пережила не меньшее потрясение, чем Европа (в этом регионе наиболее пострадавшей является Исландия). А вот данные субъективных показателей дают возможность исследователю констатировать если не полное отсутствие, то низкий уровень восприятия кризиса. Как рабочую гипотезу мы предлагаем тезис: в Украине имеется кризис по объективным показателям, но его нет на субъективном уровне восприятия реальности. Это положение мы попытаемся доказать, пользуясь результатами омнибусного опроса общественного мнения.

Опрос был проведен Институтом социологии НАН Украины в мае 2009 г. Выборка репрезентирует взрослое (от 18 лет) население Украины по основным социально-демографическим показателям и составляет 1800 респондентов (погрешность выборки составляет 2,3%). Целью данной статьи является рассмотрение основных тенденций изменений в настроениях и поведении граждан Украины во время текущего кризиса. Поскольку он пребывает еще в стадии своего разворачивания, мы можем выдвинуть только ряд гипотез и вариативных предположений.

Для населения Украины нынешний финансово-экономический кризис не является ни новостью, ни неожиданностью. Так или иначе, украинскому обществу пришлось большую часть времени существования Украины как независимого государства находиться в кризисных условиях. Украинцы уже пережили сеансы «шоковой терапии» в середине 1990-х годов с тотальными невыплатами зарплат и пенсий, галопирующей инфляцией национальной валюты, разгулом преступности. Именно в тех условиях украинцы перенесли наиболее тяжелые удары «трансформационной ломки» перехода от одной системы к другой, что поставило их перед фактически безальтернативным выбором: либо приспособиться к новым реалиям, либо постепенно сходить с арены активной социальной жизни. Этот период ознаменовался девальвацией роли прежнего гегемона советской эпохи – рабочего класса, деградацией крестьянства, маргинализацией значительных слоев интеллигенции. Новые реалии выдвигали новые условия игры, в рамках которой населению пришлось срочно менять общепринятые социальные практики на иные, до сих пор неизвестные. Так произошла «великая переквалификация», когда люди были вынуждены отвечать новым

требованиям профессионального рынка при переходе экономики от производства к превалированию сферы обслуживания и торговли. На арене социальной жизни активизировались «теневые акторы» (криминалитет) и вышли новые социальные группы – предприниматели, работники торговли и обслуживания от продавцов на рынках до менеджеров и брокеров, конторские или офисные служащие. Произошла ломка большинства социальных институтов или «институциональный взрыв» [Панина, 2008: с. 136 - 137], поскольку изменения в главных институтах – экономике и политике – потянули за собой изменения у других сферах социальной жизни.

Еще раз подчеркнем, что население страны было поставлено перед фактом новых условий и должно было адаптироваться. Насколько в таком случае можно говорить о стратегиях адаптации как продуманной, спланированной программе целеустремленных действий, комплексе средств использования возможностей и ресурсов для достижения поставленной цели или удовлетворения существующих интересов? Ведь, как точно отметил В. Парето еще в начале XX века, неэлитные слои могут лишь отвечать на стимулы, которые задаются элитами. Подавляющее большинство украинского общества было вынуждено хаотически и бессистемно приспосабливаться к новым условиям без всякого планирования, действуя соответственно текущей ситуации «здесь и сейчас». Поэтому, с нашей точки зрения, более целесообразно говорить о практиках ситуационного приспособления, чем о стратегиях в их классическом понимании. Такие практики имели и продолжают иметь сугубо ситуационный характер, когда субъект исходит из конъюнктуры имеющихся вызовов настоящего и набора имеющихся ресурсов для реагирования на них. Одним из наиболее ярких показателей такой ситуационности, хаотичности в приспособлении к внешним стимулам

является отсутствие намерений планирования своей жизни в большинстве граждан, которые осознают возможность быстрой смены как своих ресурсов, так и самой конфигурации вызовов.

В Украине стратегии для себя и стимулы для населения создавали и воспроизводили правящие элитные группы, которые заняли роль главного субъекта социальных изменений (в отличие от постсоциалистических стран Восточной Европы). Населению же досталась пассивная роль объекта, который действует соответственно изменениям условий социальной жизни, задаваемым элитами. Возможно, это объясняет, почему мы сейчас имеем общество, по высказыванию И. Селеньи, «капиталистов без капитализма» [Селеньи, 2008], которое больше напоминает неофеодализм. Одной из задач данной работы является рассмотрение основных тенденций изменений в настроениях и поведении граждан Украины во время текущего кризиса (учитывая «кризисный опыт» предыдущих лет).

Важным основанием продуцирования кризисных явлений в самых разных сферах социальной жизни стала негласная политика властных элит, направленная на сдерживание институциональных преобразований, о чем детально написано в уже упомянутой выше работе Н. Паниной и Е. Головахи. Переход от одной системы социальных отношений до сих пор не завершен, поскольку нежелание проводить комплекс непопулярных реформ (что является необходимым и неизбежным) определяет активно-деструктивную функцию элит как главных акторов преобразований и пассивно-деструктивную роль неэлитных слоев как основной социальной среды для проведения этих преобразований. Логичный итог двойной институциональной системы заключается в том, что мы живем на фоне разрушенных институтов советской эпохи и при полуоформленных, нефункциональных институтах

нового, постсоветского времени. Причем вряд ли можно это поставить в вину конкретной элитной группе. Ведь все элиты, возможно, несознательно, но всегда старательно поддерживали жизнь двойной институциональной системы. Как во времена президентства Л. Кучмы, так и во время правления В. Ющенко, ни одно правительство (а каждое из них представляло конкретную политическую силу или конгломерат таких сил, связанных с определенными элитными группировками) не проводило системных, стратегических реформ. Ни один состав парламента не смог принять и довести до логического утверждения ни одного комплекса проектов в любой области. Вместо того установившейся политической практикой является локализация существующих проблем, принятие конъюнктурных решений, исходя из ситуативных интересов конкретных социальных групп. Частое «латание дыр» вместо одноразовых, но системных и направленных на долгосрочную перспективу изменений не только тормозит развитие, но и создает условия для существования конфликтов, которые продуцируют сейчас и будут продуцировать в дальнейшем кризисные явления (природные или искусственные – это неважно).

В результате мы имеем общую деструкцию власти [Н.Шульга, 2008] и несамостоятельность ее судебной составляющей, отсутствие утвержденного Налогового кодекса и юридическую неопределенность пакета вопросов с собственностью на землю, разрушенную систему советского образования и аморфную, малофункциональную систему подготовки кадров по европейским стандартам, декларативно бесплатную медицину, которая оплачивается по факту «из-под полы», реальную свободу слова, но полную незначимость этого слова и отсутствие рычагов «четвертой власти» у СМИ. В Украине кризис является не чрезвычайным, а достаточно привычным явлением:

напряженность во взаимоотношениях между центральной властью и региональными элитами в первой половине 1990-х годов, конфликты руководителей ветвей власти и разных политических сил на основании изменений к Конституции (прежде всего, за распределение полномочий) в 1995-1996 гг. и 2005-2009 гг., зависимость экспортно-ориентированной экономики от мировой конъюнктуры спроса (азиатский кризис 1998 г. и мировой экономический кризис 2008-2009 гг.), обвинение в коррупции и преступлениях высших должностных лиц без наказания виновных (дело П. Лазаренко, «кассетный скандал»). Особое место занимают экологические проблемы крупных индустриальных городов и амортизационный износ оборудования на всех уровнях – от шахт до элементарных систем электро- и водоснабжения в жилых домах (следует отметить, их масштабы еще недостаточно осознаны в обществе, что, тем не менее, не исключает перерастания этих проблем в очередные кризисы). В добавлении можно только коротко вспомнить многочисленные локальные «валютные», «газовые», «нефтяные» и даже «сахарные», «мясные» и «хлебные» кризисы. Таких проблем множество и описывать их детально нет необходимости.

В условиях пребывания в постоянных кризисных условиях (своего рода «жизни в кризисе») украинское общество выработало привычку к ним, реагируя лишь на определенные стимулы, которые получает через медиа. Возможно, именно поэтому большинство населения признало незначительное или минимальное влияние современного финансово-экономического кризиса на свою жизнь. Лишь 18,2% почувствовали на себе кризис на катастрофическом уровне, 61,8% респондентов дали ответ «достаточно ощутимо, но не катастрофически», 15,9% – «лишь немного», 4,1% – «практически не коснулся». Это означает, следует подчеркнуть снова, не факт

защищенности украинского общества от изменений в мировой экономической конъюнктуре, а привычку жить в состоянии постоянного кризиса, что воспринимается как обычное условие социального существования.

Результаты опроса демонстрируют, как именно нынешний экономический кризис коснулся жизни населения. 20,8% респондентов потеряли работу, 32,2% почувствовали перебои с выплатами зарплат и пенсий. Это связано с сокращением объемов потребления. Население Украины (и без того не разбалованное потребительскими практиками) было вынуждено уменьшить покупки одежды, обуви, других вещей (61,8% респондентов) и даже продуктов питания (51,5%). Хотим подчеркнуть факт смыслового противоречия между ответами на вопрос о влиянии кризиса и вопрос о том, как именно он коснулся респондентов. Для граждан Украины факты неполучения заработанных ими денег и уменьшения возможностей полноценной поддержки своей жизнедеятельности (в данном случае через механизм потребления) не вызывает ощущения существенного влияния кризиса. Его почувствовали на себе те, кто потерял работу – их количество приблизительно совпадает с количеством тех, кто отметил катастрофическое влияние кризиса на свою жизнь (хотя при двумерном распределении можно видеть, что даже среди группы тех, кто потерял работу, 59,1% респондентов дали ответ об «ощутимом, но не катастрофическом влиянии» кризиса на их жизнь, 33,7% оценили его как катастрофический).

Действительно, за период быстрого экономического роста Украины в период 2003-2005 гг. и относительной экономической стабильности в 2005-2007 гг. украинцы впервые получили возможность почувствовать некоторые преимущества капиталистической рыночной системы и сделали первые шаги для выхода из привычной бедности. Расцвет предпринимательства, переход граждан из нижних

в средние социальные слои сопровождался ростом доходов и потребительских инициатив. Причем доходы росли медленнее темпов потребления. Проблема была решена за счет кредитных средств, которые предоставлялись разнообразными финансовыми учреждениями едва ли не всем желающим, что дополнительно стимулировало ускорение темпов потребления. Консюмеризм не успел стать общепринятой практикой жизни украинцев (он, скорее всего, был временным проявлением необычной поведенческой модели). Экономический кризис и стремительная девальвация гривни все расставили на свои места. Украинцы привычно вернулись к нормальному для них потребительскому минимализму. Краткосрочный и иллюзорный «отпуск из бедности» не мог не иметь последствий для населения: 17,6% респондентов отметили трудности с возвращением кредитов, взятых в банках.

Казалось бы, в таких условиях можно ожидать роста активизации населения во всех сферах социальной жизни. Ведь кризис является не только «катастрофой», но и «благоприятной возможностью». Собственно в кризисных условиях, при наличии многих стимулирующих факторов происходит быстрая переструктуризация социального организма. Потеря старых и наличие новых возможностей стимулирует своего рода социальную рокировку, в результате которой происходит выход на арену социальной жизни наиболее активных социальных классов, групп, индивидов. И, напротив, только во время кризисных перемен возникает благоприятная ситуация, когда элементы, не отвечающие требованиям времени, вынуждены сойти с этой арены (или, по крайней мере, потесниться). Во время обострения кризиса логически имеют все основания для роста настроения протеста и проявления этого в конкретных поступках граждан. Однако подавляющее большинство населения Украины покорно

и даже фаталистически вернулось к своим обычным состояниям. Стратегия активизации усилий для получения «новых возможностей» не смогла сломать общепринятых практик пассивного приспособления. Особенно четко это имело проявление во взаимоотношениях между банками и вкладчиками. Если понятно отношение большинства клиентов банков как законопослушных граждан к взятым ими кредитным обязательствам, то никаких объяснений не имеет пассивная реакция вкладчиков на откровенно мошенническую политику некоторых банков относительно их денег. Украинцы покорно выплачивают кредиты и не менее покорно ожидают возвращения своих вкладов с незаконно «замороженных счетов». Таким образом, мы можем сделать предположение, что в условиях современного кризиса поведение большинства населения Украины корректируется предыдущим «кризисным опытом». Это рост пассивного недоверия новым экономическим институтам (на примере банковской системы, которая создавала базу своих клиентов среди физических лиц в течение 2000-2008 гг. и делегитимизировала себя в течение двух месяцев), ажиотажная закупка товаров первой необходимости, переориентация на уже обычный потребительский минимализм.

Отдельно следует говорить о пассивной позиции общества во время политического кризиса, который является перманентным для политического пространства Украины. Этот вопрос уже освещался нами во время анализа данных мониторингового опроса «Украинское общество», который был проведен Институтом социологии НАН Украины в 2008 г. [А.Зоткин, 2008]. В той работе нами была проанализирована опосредованная реакция населения на политический кризис в стране. В результате было предложено объяснение отхода граждан от активного участия в политической жизни («политический эскапизм»). Деполитизация, переход

большинства населения к пассивной и отстраненной позиции относительно политики в период относительной экономической стабильности может объясняться усталостью людей от постоянных конфликтов между основными политическими игроками, разочарованностью их бездеятельностью, общей подавленностью от деструктивного фона ежедневного информационного потока. Однако сочетание долговременного политического кризиса с многочисленными последствиями экономического кризиса создало все условия для активизации населения в плоскости защиты своих интересов, в том числе и через механизмы политики. Однако данные omnibusного опроса в 2009 году демонстрируют обратные тенденции. В этом можно удостовериться уже на результатах ответов на вопрос «В какой мере Вас интересует политика?» (Табл. 1).

Таблица 1
Интерес граждан к политике (%)

	1992	1994	1995	1996	1998	1999	2000	2002	2004	2005	2006	2008	2009
Совсем не интересует	22,5	27,2	29,2	30,4	27,2	26,7	21,9	19,2	20,8	11,3	15,4	15,4	24,4
В определенной мере интересует	63,1	62,5	59,7	60,0	63,2	63,9	67,1	68,5	67,9	67,7	67,0	69,7	66,0
Очень интересует	12,3	9,8	10,7	9,3	9,4	9,3	10,9	12,0	11,1	21,1	17,4	14,8	9,5
Не ответили	2,0	0,6	0,4	0,2	0,2	0,1	0,1	0,2	0,2	0,0	0,1	0,1	0,1

Примечание: в таблице приведены результаты мониторинговых опросов «Украинское общество», которые проводились Институтом социологии НАН Украины с 1992 до 2008 гг. [Украинское общество, 2008].

Сравнительный анализ результатов опросов, проведенных Институтом социологии в 1992-2009 гг., позволяет говорить о том, что уменьшение количества тех, кого политика не интересовала совсем, происходило с 2000 года. После

непродолжительного Азиатского экономического кризиса, последствия которого почувствовала на себе экономика Украины в 1998 году, в стране начался период экономической стабилизации, который продолжился экономическим ростом с 2003 года. Весь этот период ознаменовался относительным уменьшением сегмента равнодушных к политике. Правда, не было заметного увеличения количества тех, кто очень интересовался политикой (мы допускаем, что там действуют другие механизмы – это демонстрируют данные опроса за 2005 г.). В 2009 году произошло достаточно резкое увеличение сегмента безразличных к политике (на 9% в сравнении с 2008 г.) и уменьшение тех, кто очень интересовался политикой (на 5,3% по сравнению с 2008 годом). Фактически показатели интереса населения к политике приблизились к уровню 1994, 1998 и 1999 гг. Экономические проблемы отодвинули на второстепенные позиции политические интересы.

Показатели гражданской активности продемонстрировали некоторые сдвиги в сравнении с 2008 годом. Однако имеются основания считать их сугубо декларативными. Так, например, несколько увеличилось количество тех, кто выразил желание принять участие в таких мероприятиях отстаивания своих прав: законные митинги и демонстрации (24,7% в 2008 г., 28,5% – в 2009 г.), угроза забастовкой (5,4% и 9,6%), бойкот (6,1% и 8,6%), несанкционированные митинги и демонстрации (2,6% и 5,0%), незаконные забастовки (1,7% и 3,8%), пикетирование государственных учреждений (7,3% и 11,7%), захват зданий государственных учреждений, блокировка путей сообщения (1,7% и 3,7%). Однако анализ ответов на вопрос «В каких общественно-политических мероприятиях Вы лично принимали участие в течение последних 12 месяцев?» демонстрирует декларативную суть роста протестных настроений, поскольку 83,7% респондентов не принимали участие в общественных мероприятиях. Среди тех, кто

дал позитивный ответ о своей общественной активности, большую часть составляют те, кто убеждал своих близких, знакомых в правоте своих политических взглядов (10,2% от опрошенных), и участники законных митингов, демонстраций, забастовок (4,0%).

Такая же ситуация и с результатами ответов на вопрос «Если бы правительство Украины приняло решение, которое притесняет Ваши законные права и интересы, могли ли бы Вы что-то сделать против такого решения?». Казалось бы, количество пессимистически настроенных к возможности защиты своих прав и интересов перед властью уменьшилась до 58,9% (63,2% в 2006 г., 64,4% в 2008 г.), а количество тех, кто выразил уверенность в такой возможности, осталась на предыдущем уровне 8,2%. А количество сторонников активного протеста (без применения насилия) в случае ухудшения условий жизни составило в 2009 г. 73,5%. Тем не менее, анализ ответов на другие вопросы в опросе не позволяет сделать однозначный вывод о потенциале протеста граждан Украины во время экономического кризиса. Одновременно с декларированием необходимости активного протеста почти тремя четвертями опрошенных 62,8% респондентов соглашались, что лучше перетерпеть и любой ценой сохранить мир и согласие. Более того, подавляющее большинство опрошенных не чувствует зависимости ситуации в стране от собственной позиции: более 60% респондентов отметило, что не несет никакой ответственности ни на общегосударственном уровне, ни на локальном (в городе или селе, где они проживают). Таким образом, можно наблюдать амбивалентность позиции большинства населения Украины: декларации необходимости активного протеста в случае ухудшения условий жизни (фактор чего значительно усилился во время экономического кризиса), но нежелание принимать участие в таких общественных мероприятиях. Данное наблюдение не

является новым. Такая двойственность позиции и поведения была характерна для украинцев и в предыдущие годы. Однако особенное значение данная амбивалентность имеет именно в период обострения кризиса и ухудшения условий жизни. Это может свидетельствовать о слабом влиянии именно экономических факторов на рост гражданской активности и протестного потенциала граждан.

Кроме того, можно наблюдать наибольшую дезактивизацию и деморализацию именно тех групп, которые более всего пострадали от экономического кризиса и отметили его влияние как «катастрофическое». Так, на вопрос «Если бы правительство Украины приняло решение, которое притесняет Ваши законные права и интересы, могли ли бы Вы что-то сделать против такого решения?» именно эта группа дала наибольшее количество негативных ответов – 65,1% (в то время как в трех других группах количество таких ответов составило от 54% до 58%). Именно в этой группе (отметили «катастрофическое влияние» кризиса) наибольшие показатели страхов («Как Вы считаете, чего люди сейчас боятся больше всего?»), чем в других группах, которые отметили меньшее влияние кризиса («ощутимо», «немного», «не коснулся»). Что интересно, именно в группе тех, кто почувствовал «катастрофическое влияние» кризиса, наряду с высокими показателями страхов относительно безработицы, остановки предприятий, голода можно видеть высокий показатель страха относительно массовых уличных беспорядков. Хотя именно они являются одной из форм протеста наиболее недовольных. Единственное в чем уступают наиболее пострадавшие от кризиса, так это в варианте «по-настоящему ничего не боятся».

Таким образом, на данном этапе разворачивания кризиса в Украине можно отметить некоторые текущие тенденции в поведении населения. Во-первых, в практиках приспособления к нынешнему кризису гражданами

используется опыт предыдущих экономических кризисов. Во-вторых, можно наблюдать превалирование экономических проблем над политическими интересами, что делает маловероятным рост протестных настроений на этом этапе. В-третьих, даже в условиях экономического кризиса позиция населения остается амбивалентной: декларация необходимости активных действий для защиты своих прав и интересов не подкрепляется реальным поведением. В-четвертых, наиболее дезактивизированной и деморализованной оказалась группа наиболее пострадавших от нынешнего кризиса, что подвергает сомнению возможность их активного участия в акциях протеста на данном этапе разворачивания кризиса.

Следовательно, выводы нашего наблюдения, начатого на данных опросов Института социологии за 2006 и 2008 гг. [А.Зоткин, 2008], находят свое подтверждение и сейчас: в украинском обществе наблюдается если не углубление, то сохранение тенденций политического эскапизма (отхода от политической жизни) большинства населения. Факторы ухудшения экономической ситуации в стране и снижения благосостояния в общественности не смогли сломить этой тенденции и повлиять на активизацию населения. Немногочисленные столичные акции политического протеста («Достали!», «Геть усіх!» и др.) не имели ни эскалации своего последующего развития в регионах, ни каких-то весомых результатов. Единственная заметная акция на региональном уровне (захват рабочими Херсонского машиностроительного завода здания облминистрации) не смогла втянуть в свою орбиту рабочих других предприятий страны, которые также пострадали от кризиса. Можно отметить, что население некоторых стран постсоветского пространства продемонстрировало достаточно высокий уровень гражданской активности в течение второго полугодия 2009 года (акции в Вильнюсе, Риге, Кишиневе). Аналогичных

случаев в Украине сейчас вряд ли можно ожидать. Одной из самых важных причин маловероятности массовых акций протеста среди граждан Украины, на наш взгляд, является отсутствие в украинской политической среде контрэлитных групп, способных стать ядром протеста. Тем не менее, условия новых этапов разворачивания кризиса способны существенно изменить нынешнюю ситуацию в стране.

ЛИТЕРАТУРА

Зоткін А. Деполітизація чи політичний ескапізм? / Андрій Зоткін // Українське суспільство 1992-2008. Динаміка соціальних змін / За ред. д.ек.н. В.Ворони, д.соц.н. М.Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2008. – С. 439-448.

Панина Н. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до «оранжевой революции» / Наталья Викторовна Панина // Панина Н.В. Избранные труды по социологии: В трех томах. – Том I. Вопросы теории, методологии, технологии социологического исследования и профессиональной этики / Сост., ред., вступ. статья Е.И. Головахи. – К.: Факт, 2008. – С. 131 – 156.

Селеньи И. Построение капитализма без капиталистов. Образование классов и борьба элит в посткоммунистической Центральной Европе / Иван Селеньи, Эял Гил, Элеанор Тоунсли. – Киев, Институт социологии НАН Украины; Харьков, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина. – 2008. – 320 с.

Шульга М. Деструкція влади (замість післямови) / Микола Шульга // Українське суспільство 1992-2008. Соціологічний моніторинг / За ред. д.ек.н. В.Ворони, д.соц.н.

М.Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2008. – С. 463 – 483.

Українське суспільство 1992-2008. Соціологічний моніторинг / За ред. д.ек.н. В.Ворони, д.соц.н. М.Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2008. – 656 с.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА В ЛИЧНОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Елена ЗЛОБИНА,
доктор социологических наук, заведующая отделом
Института социологии НАН Украины

Кризисная ситуация в обществе создает угрозы национальной безопасности на уровне всех объектов безопасности, определенных законом «Об основах национальной безопасности Украины»: человека и гражданина, общества и государства. Ввиду того, что кризис имеет всегда как объективные, так и субъективные измерения, целесообразным является рассмотрение его течения и способов преодоления не только в плоскости анализа действий традиционных социальных институций: органов государственной власти, судебной и правоохранительной системы и т.п., но и на уровне граждан Украины, которые тем же законом определяются как субъекты обеспечения национальной безопасности. Соответственно оценить развитие и последствия кризиса можно не только в объемах производства или тенденциях изменений финансовых показателей. Важной составляющей изменения ситуации является возможность населения адаптироваться к осложнению условий жизнедеятельности. Оценка социально-психологических факторов, влияющих на этот процесс, является необходимым звеном в прогнозировании длительности, глубины и перспектив выхода украинского общества из системного кризиса. Ее анализ даст возможность определить перспективы обеспечения ключевой задачи национальной безопасности — защищенности жизненно важных интересов человека и гражданина, общества и государства, при котором обеспечивается устойчивое развитие общества.

Исходя из того, что одним из основных принципов обеспечения национальной безопасности является приоритет прав и свобод человека и гражданина, ситуацию в обществе можно рассмотреть под углом субъективной оценки населением процесса жизнеосуществления и меры собственной адаптированности к созданным в обществе условиям удовлетворения главных жизненных потребностей населения. Низкая самооценка адаптированной к существующей социальной ситуации у значительной части населения может рассматриваться как реальная угроза безопасности общества.

Одним из показателей адаптационного потенциала является субъективная оценка населением собственной адаптированности. Хотя вербальные оценки приспособленности не всегда отражают реальную меру адаптации и должны интерпретироваться в сочетании с другими, в частности и объективными показателями, они все-таки дают возможность представить картину социальных трансформаций в субъективном измерении через оценку людьми своих возможностей «вписаться» в меняющийся социальный контекст. Соответствующий показатель был впервые использован нами в социологических опросах в 1997 году. Тогда шла речь о ситуации адаптации к радикальным преобразованиям, частью которых было приспособление к рыночным отношениям. Индикатором высокой степени адаптированности служило отнесение себя респондентами к группе тех, кто активно включился в новую жизнь, считал рыночные отношения естественным способом жизнедеятельности. Индикатором низкой

адаптированности выступало отнесение к группе тех, кто не имеет желания приспособливаться к актуальной ситуации, живет как придется, ожидая изменений к лучшему. Хотя впоследствии смысловые оттенки в толковании соответствующих утверждений изменяются, отдаляются от сравнения наличной ситуации с советским прошлым и рассматриваются респондентами как непосредственная оценка настоящего положения дел, сам показатель не утрачивает эвристические возможности, поскольку позволяет давать оценку адаптированности населения к изменениям разного характера. Он оказался достаточно информативным и в условиях современного финансово-экономического кризиса, давая возможность выявить особенности приспособления групп разного уровня адаптированности к имеющейся ситуации.

Рассмотрим в первую очередь развитие адаптивного потенциала населения во временной перспективе.

Наши исследования¹ демонстрируют заметные изменения в соотношении между группами разного уровня адаптированности. К началу 2000-х годов часть тех, кто не желал приспособливаться к настоящей ситуации, жил как придется, ожидая изменений к лучшему, составляла 45–47%. Приблизительно такой же по количеству (43%–44%) была в то время и группа тех, кто активно воспроизводил в своей деятельности новые поведенческие ориентиры. Эту группу составляли те, кто активно включился в новую жизнь, считая рыночные отношения для себя естественными, и те, кто позиционировался как находящийся в постоянном поиске себя в теперешней жизни, остальные — около 10% — не могли определиться (см. табл. 7).

Впоследствии ситуация начинает понемногу изменяться. Достаточно показательным является в этом смысле 2003 год, когда было зафиксировано заметное уменьшение группы тех, кто не желает приспособливаться,

и увеличение группы неопределившихся. По мере опривычивания новых реалий у населения формируется осознание того, что приспособление к ним является необходимой составляющей жизни. Это подтверждает и динамика величины исследуемых групп. На сегодня количество приспособленных выросло по сравнению с началом мониторинга на 10% и на столько же уменьшилось количество тех, кто не желает приспособливаться. Можно констатировать существование достаточно наполненной количественно группы населения с высоким адаптивным потенциалом, представители которой способны продуцировать, воспринимать и воспроизводить новые поведенческие образцы. В целом по выборке ее численность составляет 18%, а среди работающего населения — 23,3%. Кроме того, приблизительно треть опрошенных образуют группу тех, кто активно пытается адаптироваться. В совокупности количество адаптированных и адаптирующихся превышает на сегодня половину населения страны как среди работающих (59,4%), так и по выборке в целом (51,6%). Группа с низким адаптационным потенциалом, которая не хочет или не способна приспособиться к современным условиям, составляет в целом 34%, однако среди работающих ее представителей меньше (27,1%).

Таблица 7

¹Приводятся данные всеукраинских опросов, которые проводились Институтом социологии НАН Украины совместно с Центром «СОЦИС» (1997, 1999, 2001 годы, выборочная совокупность 1200 чел., репрезентативна по признакам пола, возраста, образования, места проживания), данные мониторинга Института социологии НАН Украины за 2003 год и данные опросов Института социологии НАН Украины «Общественное мнение в Украине» за 2007 и 2009 годы (выборочная совокупность 1800 чел., репрезентативна по признакам пола, возраста, образования, места проживания).

Уровень приспособленности людей к современной
жизненной ситуации (%)

Мера приспособленности	1997 N = 1200	1999 N = 1200	2001 N = 1200	2003 N = 1800	2007 N = 1800	2009 N = 1800
Активно включился в новую жизнь, рыночные отношения считаю естественным способом жизнедеятельности	7,3	7,4	7,2	8,3	16,0	18,0
Нахожусь в постоянном поиске себя в теперешней жизни	36,3	36,6	38,0	30,5	32,5	33,6
Не имею желаний приспособливаться к теперешней ситуации, живу как придется, ожидая изменений к лучшему	44,9	46,7	43,3	36,2	37,6	34,0
Трудно ответить	11,4	9,3	11,5	25,0	13,0	14,4

В целом зависимость желаний и умения приспособливаться к изменениям от возраста респондентов имеет постоянный характер. В старших возрастных группах процент тех, кто не желает приспособливаться, постепенно повышается (табл.8). Однако причины этого явления связаны не только и не столько с тем, что с годами падает сама способность к адаптации. Характерно, что несмотря на уменьшение в младших возрастных группах общего количества тех, кто не желает приспособливаться, доля представителей этой группы остается неизменной в самой младшей возрастной группе (18-25 лет). Для молодежи этого возраста не характерен сравнительный контекст адаптации. И в 1997-м, и в 2009-м их самооценка отражает прежде всего опыт первичного самостоятельного включения в социально-экономические отношения. И здесь решающей становится именно его успешность. Нежелание приспособливаться, пассивное ожидание изменений к лучшему фиксирует в этом возрасте именно низкий уровень

адаптивного потенциала. Соответственно одним из путей уменьшения угрозы общественной безопасности должно стать внедрение специальной программы формирования мотивации активной самореализации в процессе первичной социализации.

Таблица 8

Возрастная динамика нежелания населения приспособливаться к изменениям (%)

Возраст респондентов	1997, N = 1200	2009, N = 1800
18–25 лет	20,2	19,8
26–35 лет	31,8	25,5
36–45 лет	40,4	24,1
46–55 лет	52,1	34,6
56–65 лет	65,6	45,3
более 66 лет	69,1	57,3

Иная природа нежелания приспособливаться у людей старших возрастных групп, история личной жизни которых тесно связана с историей общества, которого уже нет. Оценку современного положения вещей они формируют, исходя из опыта жизни в прошлом. Если люди младшего возраста активно вовлекаются в новую жизнь, иногда даже вопреки своим желаниям, старшие возрастные категории не хотят приспособливаться, несмотря на реальное ухудшение своего материального положения, во многом потому, что переживают обесценивание достигнутого в прошлом.

В психологическом плане эту категорию можно условно разделить на тех, кто не смог раскрыть себя по различным причинам и теперь распространяет внутреннее недовольство собой на отношение к жизни в целом, и на тех, чье успешное самоосуществление в значительной мере затормозилось, либо даже прекратилось именно в результате общественных трансформаций. Однако данные подтверждают, что оценка

адаптированности к настоящему постепенно отделяется в сознании людей от сравнения с прошлым, количество тех, кто не желает приспособливаться, уменьшается во всех возрастных группах.

Несмотря на проблемность приспособления к изменениям в старших возрастных группах, общая тенденция влияния личностного фактора на процесс общественных превращений с позиции генерационного подхода скорее тяготеет к позитиву, поскольку в обществе постоянно увеличивается доля населения, вступающего в активную жизнь, не перестраивая, а заново строя свои представления о реальном мире. Эта группа выступает как стабилизационный психологический фактор общества, поскольку сравнивает настоящее не с прошлым, а с желаемым будущим.

Следует отметить, что в сфере экономических отношений роль группы “активных” значительно больше, нежели “пассивных”, поскольку большинство среди тех, кто не хочет приспособливаться, это люди в возрасте свыше 55 лет (в 2009 году их доля составляла 51,8%). Поскольку нас интересуют в первую очередь те, кто преобразует жизнь благодаря собственной активности, рассмотрим ниже группы разного уровня адаптированности, исключив из анализа неработающих пенсионеров.²

Мы уже отмечали, что адаптивный потенциал формируется под воздействием ряда факторов. Его определяют направленность жизненных ориентаций, опыт позитивных приобретений, соотношение индивидуальных достижений и потерь, выраженность стремления к самореализации и тому подобное. Рассмотрим действие некоторых психологических составляющих, которые влияют на развитие адаптивного потенциала. Начнем с интернальности-экстернальности личности.

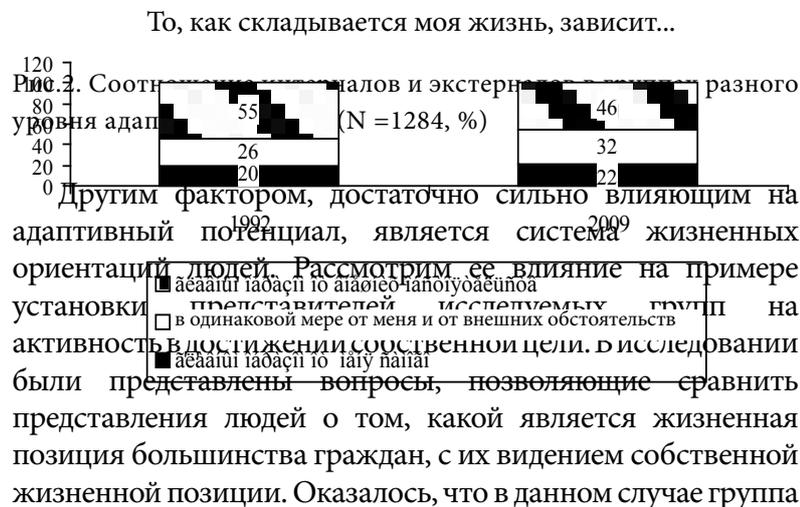
Уверенность в том, что построение жизни зависит преимущественно от самого человека (интернальный локус контроля) повышает его адаптивный потенциал, убеждение, что по большей части все в жизни зависит от внешних обстоятельств (экстернальный локус контроля) подпитывает личностную пассивность. В соотношении с другими ориентациями респондентов этот показатель наглядно демонстрирует особенности формирования адаптивного потенциала и вклад в этот процесс индивидуально-субъектной составляющей. Данные мониторинга Института социологии НАНУ свидетельствуют, что людей экстернальной ориентации в нашем обществе значительно больше, чем тех, кто ориентирован в первую очередь на собственные усилия (рис. 1).

Рис.1. Динамика интернально-экстернальных ориентаций населения Украины (%)

Однако с годами соотношение интернальных и экстернальных ориентаций постепенно изменяется в сторону некоторого ослабления экстернальности. В

²По уровню адаптированности выделяются три группы: те, кто активно включился в новую жизнь (в дальнейшем — группа активных), те, кто находится в поиске себя (в дальнейшем — группа поиска), и те, кто не имеет желания приспособливаться (в дальнейшем — группа пассивных)

известной мере это связано именно с непрерывной психологической адаптацией к новым условиям, что способствует постепенному преодолению на личностном уровне ощущения полной зависимости от обстоятельств и расширению границ субъективно контролируемого пространства жизни. Если рассмотреть соотношение соответствующих ориентаций в разрезе групп разного уровня адаптированности, увидим, что среди группы активных интерналов больше, чем экстерналов (рис.2). Напротив, среди группы поиска экстерналов вдвое больше, чем интерналов, а среди пассивных экстерналы вообще составляют большинство.

поиска тяготеет к группе активных, а группа пассивных демонстрирует отличную ориентацию. Это касается как оценок общества, так и определения собственных приоритетов.

По мнению активных, тех, кто прилагает максимум усилий для реализации своей цели, в нашем обществе больше, чем тех, кто не желает чрезмерно напрягаться в жизни, пассивные же демонстрируют противоположную ориентацию (рис.3).

То, как складывается моя жизнь, зависит...

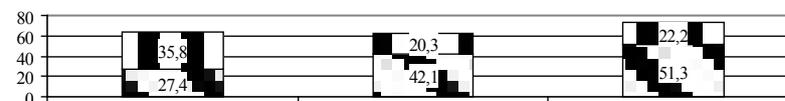

Рис. 3. Оценка преобладающих жизненных позиций наших сограждан представителями групп разного уровня адаптированности (N = 1284, %)

Однако количественно группы с противоположными ориентациями представлены более-менее пропорционально. Среди группы активных представление о соотношении в обществе тех, кто нацелен на реализацию цели, с теми, кто настроен не перенапрягаться, составляет приблизительно 50% против 40%, среди группы пассивных 34% против 47%.

В то же время, когда идет речь о том, какая из этих жизненных позиций ближе самим респондентам, позиционирование представителей по крайней мере двух исследуемых групп очень четкое (рис.4). Среди активных

стремятся прилагать максимум усилий для реализации своей цели почти 90%, среди группы поиска — 75%. А вот в группе пассивных активную жизненную позицию разделяют около половины респондентов, вместо этого треть готова удовлетворяться тем, что есть, плыть по течению.

Жизненная позиция, характерная для большинства наших сограждан

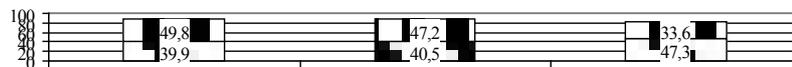

Рис. 4. Жизненное позиционирование в группах разного уровня адаптированности (N = 1284, %)

Эту тенденцию подтверждают и ответы представителей анализируемых групп на вопрос «Какие стороны Вашей жизни имеют для Вас наибольшее значение?» Если в оценке важности таких позиций как физическое здоровье или материальный доход разницы в ответах нет, то в оценке важности самореализации, развития способностей разница между группой активных и пассивных достаточно велика. Среди активных эти позиции назвали приоритетными 18% респондентов, среди пассивных лишь 7%.

Что же способствует или мешает представителям отмеченных групп в реализации избранной жизненной позиции? Поскольку мы рассматриваем здесь лишь психологическую составляющую адаптивного потенциала, обратимся к оценке респондентами наличия

у них необходимых для реализации собственных целей психологических качеств. Для этого используем соответствующие показатели, заложенные в индексе социального самочувствия населения (табл.9).

Таблица 9

Оценка достаточности психологических качеств представителями групп разной меры адаптированности (N = 1284, %)

Мера приспособленности	Умение жить в новых условиях	Уверенность в своих силах, инициативности	Решительности
Активно включился в новую жизнь	88,4	74,7	49
Нахожусь в поиске себя в новой жизни	21,5	22,8	33,8
Не имею желания адаптироваться к новой жизни	5,3	10,7	33,1
Нахожусь в поиске себя в новой жизни	42,5	16,0	41,3
Не имею желания адаптироваться к новой жизни	22,8	27,9	40,6

Как видим, большинство тех, кто образует группу активных, считает, что им достаточно как умения жить в новых общественных условиях в целом, так и психологических свойств, обеспечивающих это умение, — уверенности, решительности, инициативности. Напротив, в группе пассивных фиксируется недостаточность системообразующей составляющей активности, удовлетворены умением жить в новых общественных условиях лишь 16% представителей этой группы. Та же проблема и у представителей группы поиска, среди которых соответствующие умения оценивают как достаточно развитые около 20%. В то же время оценка уверенности в своих силах, инициативы и самостоятельности среди тех,

кто находится в поиске себя в теперешней жизни, выше, чем среди пассивных, а вот оценка своей решительности в достижении цели в этих группах практически одинакова. То есть проблемным для слабо адаптированных является, прежде всего, процесс постановки задач, а не процесс их реализации. Одним из способов преодоления этой угрожающей с точки зрения безопасности общественного развития ситуации есть формирование и внедрение в массовое сознание системы трудовых ценностей, которые бы могли выступать внешними общественно признанными ориентирами самореализации.

Обобщающей характеристикой адаптивного потенциала является картина будущего. Если оно представляется человеку позитивным, можно говорить о высокой самооценке адаптивного потенциала и наоборот. В опросе был представлен вопрос об оценке респондентами собственного будущего (будущего семьи) через десять лет. Оказалось, что среди активных смотрит в будущее с надеждой половина опрошенных (51,1%), среди группы поиска треть (34,3%), а среди группы пассивных немного больше четверти (27,7%).

Отмеченные психологические особенности представителей исследуемых групп влияют на их стратегии поведения в условиях современной кризисной ситуации. Так, активные, невзирая на сложности, больше настроены на достижения: планируют в ближайшие 2-3 года повысить профессиональную квалификацию 24,6% группы активных и только 10,1% группы пассивных, создать (расширить) собственный бизнес планируют в этих группах соответственно 16,5% и 6,5%, а вот будут пытаться в этот период сберечь социальное положение, которое имеют, 21,4% группы активных и 32,9% группы пассивных.

Значительное влияние на формирование стратегий адаптивного поведения оказывает социальное

самопозиционирование, то есть определение респондентами собственного места на социальных ступенях (от 1 – самое низкое положение, до 7 – наивысшее положение). Наибольшая и самая весомая связь социального самопозиционирования наблюдается с оценкой материального благосостояния (рис.5). Те, кто относит себя к группе “бедные”, позиционируют себя на второй (предпоследней) ступеньке социальной лестницы, в то время как те, кто относит себя к “средним” и “выше средних”, занимают место двумя ступеньками выше.

Рис. 5. Зависимость социального самопозиционирования от оценки материального положения

В то же время с самопозиционированием связаны не только традиционные социально-демографические, но и социально-психологические и психологические характеристики. Это дает возможность связать объективное и субъективное измерения жизненного пространства, то есть определить, как самооценка развития личностного потенциала связана с самооценкой социального положения. Данные опросов дают возможность не только подтвердить сам факт такой связи, но и зафиксировать некоторые существенные ее характеристики.

Как оказалось, самооценка социальной позиции слабо связана с диспозициями, в частности с готовностью к тому, чтобы прикладывать максимальные усилия для достижения цели, либо со стремлением не очень напрягаться в жизни³. Связь с самооценкой социальной позиции психологических качеств оказалась противоречивой. Сильнее всего связана с самопозиционированием самооценка уверенности в своих силах⁴, в то же время значительно меньшая связь зафиксирована с такими качествами как инициатива и самостоятельность в решении жизненных проблем⁵ и решительность в достижении целей⁶. Как и в случае с уровнем адаптированности, более низкая социальная позиция в большей степени коррелирует с проблемами, возникающими на этапе принятия решений, и в меньшей мере связана с недостаточной готовностью к их реализации.

Достаточно тесно связаны с самопозиционированием адаптированности к условиям. Это сопровождается выделением определенных включений. В целом мера влияет на структуру выделенных статистически значимо больше тех, кто в ближайшие годы стремится реализовать собственную мечту. Причем такая тенденция наблюдается как в младших, так и в старших возрастных группах (рис. 6).

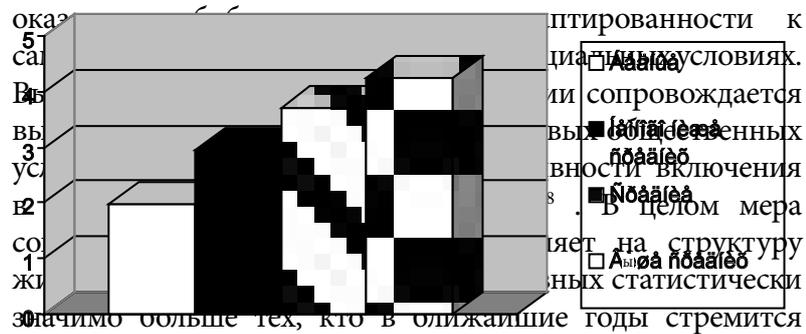

Рис. 6. Соотношение респондентов, стремящихся реализовать собственную мечту, в группах разного уровня адаптированности и разного возраста

Если сравнить жизненные намерения группы активных и пассивных, исключив из анализа представителей старшей возрастной группы, можно увидеть, что они не отличаются относительно стремлений удовлетворить в ближайшие годы насущные жизненные потребности (улучшение материального положения, жилищных условий и т.п.). В то же время их намерения заметно разнятся, когда речь идет о более специфических потребностях и способах самоосуществления (табл. 10). Практически такая же картина наблюдается и при сравнении намерений респондентов, которые относят себя к “бедным” и “средним”.

Таблица 10

Структура жизненных намерений в группах разного уровня адаптированности и материального положения (возраст до 55 лет), (%)

Намерения на ближайшие 2-3 года	Активные	Пассивные	Средние	Бедные
Незначимые различия				
Улучшить материальное положение	60.7	56.7	62.0	56.2
Улучшить жилищные условия	35.2	36.0	38.4	36.5
Сменить работу на более престижную (высокооплачиваемую)	18.9	20.5	23.2	22.3
Значимые различия				

³Коеф. корреляции Пирсона 0,124

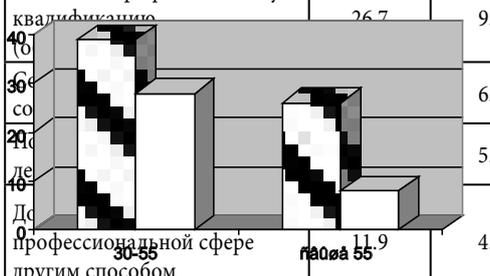
⁴Коеф. корреляции Пирсона 0,246

⁵Коеф. корреляции Пирсона 0,191

⁶Коеф. корреляции Пирсона 0,150

⁷Коеф. корреляции Пирсона 0,241

⁸Коеф. корреляции Пирсона 0,231

Улучшить качество проведения свободного времени (отдыха)	34.8	20.8	29.4	19.7
Повысить профессиональную квалификацию	26.7	9.6	21.0	11.2
 <p>Данные по категориям:</p> <ul style="list-style-type: none"> 30-35: 34.8, 26.7, 21.0, 11.2 40-55: 20.8, 9.6, 12.1, 6.0 	6.7	5.8	4.7	
	4.4	5.2		
	11.9			
	11.9			
Буду стремиться сберечь имеющееся социальное положение	19.3	30.7	25.4	30.5

Почти зеркальное отражение двух сравниваемых групп дает возможность утверждать, что структура и иерархия жизненных намерений, которые определяют приоритеты будущего жизнеосуществления, зависит как от объективной позиции в социальном пространстве, так и от меры социальной активности. Причем чем ниже позиция и уровень активности, тем более будущее “укорачивается” до настоящего, что выражается в намерении сберечь существующее социальное положение. В то же время картина будущего связана с картиной прошлого. Следует отметить, что любое прошлое когда-то существовало для человека в форме будущего, а следовательно, было представлено в сознании в форме ожиданий и надежд. Соответственно картину прошлого можно операционализировать посредством анализа соотношения в оценках респондентов осуществленных надежд и разочарований.

Оказывается, что респонденты, принадлежащие к группам разного уровня материальной обеспеченности, имеют не только разное настоящее. У них было и разное прошлое. Анализ ретроспективных оценок собственных

надежд и разочарований за последние 5 лет показывает, что надежды относительно обеспечения материального благосостояния семьи подтвердились у 5% тех, кто отнес себя к группе «бедных» (табл. 11). Среди тех, кто относит себя к группе «немного ниже средних», оправдались надежды у 31,5%, среди группы «средних» таких оказалось почти половина — 48,8%.

Таблица 11

Ретроспективная оценка изменений в материальном положении за последние 5 лет в группах разного уровня материальной обеспеченности в возрасте до 55 лет (%)

Материальное состояние	Надежды	Разочарования
Бедные	5.5	26.2
Немного ниже средних	31.5	42.0
Средние	48.8	26.8

Соответственно представители этих групп имеют и разные ожидания относительно будущего. Если обратиться к структуре жизненных намерений, можно увидеть, что значимые отличия между теми, кто считает, что изменения в материальном положении отвечали их надеждам, и теми, у кого надежды на улучшение не подтвердились, касаются в первую очередь ключевых жизненных планов. Среди тех, кто доволен своими достижениями в материальной сфере, создать собственный бизнес планируют 17,7%, а среди тех, кто разочарован изменениями в материальном положении, таких вдвое меньше – 8,1%. Отметим, что эти цифры достаточно показательны с точки зрения оценки экономической безопасности общества, поскольку подтверждают достаточно слабую психологическую готовность населения к развитию предпринимательской активности и формированию среднего класса в стране.

Так же отличаются и ожидания относительно улучшения своего служебного положения. Подняться по служебной лестнице надеются 14,6% тех, чьи надежды подтвердились, и 7,8% среди разочарованных. Кроме того, более высокий уровень достижений за предыдущие пять лет определяет более выразительные ожидания позитивных изменений в сфере проведения свободного времени, организации отдыха. Улучшить эту сферу жизни намереваются 33,5% среди тех, кто имеет подкрепленные надежды, и 23,1% среди тех, кто разочарован предыдущими достижениями в материальной сфере. Вместо этого среди представителей последней группы больше тех, кто центрирует свои намерения вокруг желания сберечь то социальное положение, которое они имеют (среди тех, чьи надежды подтвердились, таких 21,3%). Следовательно, можно говорить о достаточно опасной для общества тенденции к свертыванию активности, направленной на улучшение своего материального и социального положения по мере повышения неудовлетворенности достигнутым.

Материальное положение респондентов определяет также их отношение к будущему. Наивысшие надежды демонстрируют те, кто сейчас относит себя к группе “немного ниже средних”. Среди этой группы смотрят в будущее с надеждой 38,4%. В группе “средних” таких 32,9%, а среди бедных тех, кто надеется на то, что положение их семьи улучшится, меньше всего – 23,8%. Однако, не следует забывать, что подтвердились надежды на улучшение в предыдущие 5 лет лишь у 5% представителей этой группы. Следовательно, надежда умирает последней, невзирая на неудачи, люди надеются на улучшение.

В то же время, если посмотреть на группу тех, кто опасается за будущее своей семьи через 10 лет, оказывается, что больше всего таких респондентов в группе со средним уровнем материального положения — 38,2%. Среди тех, кто

принадлежит к группе “немного ниже средних”, опасения немного меньше, их выражают 35,7% опрошенных, а вот среди бедных, которые, казалось бы, наиболее поражены кризисом, боятся будущего всего 17,9% респондентов. Опять таки в соответствии с известным утверждением о том, что нечем испугать тех, кому уже нечего терять.

Парадоксальность оценок будущего заключается и в том, что общая оценка респондентами ситуации в стране расходится с их надеждами на будущее. Лучше всего оценивают ожидаемое развитие ситуации в стране “средние”. Только в этой группе количество тех, кто считает, что ситуация улучшится, превышает количество тех, кто ожидает ухудшения ситуации (38,5% против 28,2%). В то же время среди наиболее оптимистично настроенной группы “немного ниже средних” ожидают ухудшения 41,7%, а улучшения – 38,2%, еще худшее соотношение пессимистов и оптимистов в группе “бедных” – 21,8% против 15,3%. Эти данные подтверждают, что ощущение угрозы общественной безопасности является характерным признаком современного состояния массового сознания и распространено среди представителей всех социальных групп. В определенной мере компенсирует эту ситуацию то, что сама по себе позитивная или негативная оценка последующего развития ситуации в стране не корреспондирует прямо с личными планами на будущее. Существенная разница между теми, кто ожидает улучшения и теми, кто побаивается ухудшения, фиксируется лишь относительно желания просто больше радоваться, получать удовольствие от жизни. Среди оптимистов на это надеются 47,2%, среди пессимистов – 37,5%.

Сравнение планов тех, кто смотрит в будущее с надеждой, и тех, кто побаивается будущего, показывает, что существенные отличия в планировании ключевых направлений жизнеосуществления практически

отсутствуют. Представители обеих групп планируют зарабатывать больше денег, уделять внимание семье, получить хорошую постоянную работу и просто получать удовольствие от жизни. В то же время по некоторым позициям разногласия в планах достаточно значительные. В частности, реализовать собственную мечту хотели бы 41,6% тех, кто смотрит в будущее с надеждой, но лишь 26,5% тех, кто ожидает его с опасениями. Поскольку оптимистичный взгляд в будущее присущ в первую очередь представителям младших возрастных групп, видим в этой группе также более выразительные планы относительно последующего обучения и повышения квалификации.

Итак, на основе анализа данных исследования можно констатировать, что группа активных демонстрирует сбалансированность психологических компонентов, которые обеспечивают успешность адаптации, желание достижений подкреплено у ее представителей способностью их обеспечивать. Для группы поиска характерным является выраженное желание адаптироваться при меньшей психологической обеспеченности практической деятельности. Наконец, группа с низким адаптивным потенциалом демонстрирует как дефицит желания адаптироваться, так и слабую возможность воспроизводить эффективные адаптационные навыки. Учитывая приблизительно равное количественное соотношение указанных групп среди работающих, можно констатировать недостаточную готовность населения использовать активные конструктивные практики жизнеосуществления в кризисной ситуации, что может рассматриваться как показатель угрозы безопасности общества. Перспектива усиления личностного потенциала как одной из составляющих обеспечения национальной безопасности связана с достижением позитивного баланса оценки

имеющихся достижений и потерь, как на уровне личности, так и на уровне массового сознания.

ГРАЖДАНСКИЕ ПРАКТИКИ УКРАИНЦЕВ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Александр РЕЗНИК,
кандидат социологических наук, научный сотрудник
Института социологии НАН Украины

В условиях общественных преобразований, когда нормативная составляющая политической институционализации общества приобретает характер амбивалентности, направленность развития политической сферы и результаты трансформационных процессов во многом зависят от поведенческой субъектности активных граждан. В условиях экономического кризиса складывается ситуация, когда предыдущие стратегии поведения населения становятся неэффективными, поскольку новые условия определяют активных социальных субъектов расширить или переориентировать перечень собственных притязаний. Выделяются наиболее действенные стратегии поведения, которые могут стать определяющими в создании новых социальных институтов, тем самым укрепляя национальную безопасность страны. Изменение типичных способов поведения ведет к трансформации соответствующих практик, а накопленные сдвиги в практиках, что реализуют определенный институт, приводят к изменениям этого института. В результате сознательного направления социальных практик в сторону желаемых общественных изменений происходит актуализация скрытого потенциала. Это определяет более детальный анализ таких форм гражданской активности, которые носят перманентный характер, а именно гражданских практик как систематических, воспроизводимых и постоянных действий населения в общественно-политической сфере.

В исследовании уровня смертности в Восточной Европе в начале 90-х годов обнаружено важную роль гражданских практик: в странах, в которых много людей были членами церковных общин и профессиональных союзов, смертность была ниже. Существование профсоюзов, церквей, спортивных, политических и других общественных организаций сыграло существенную роль в смягчении стрессов во время бурных преобразований. Выявлено, что в странах, у которых более чем 45% населения были членами общественных организаций, массовая приватизация не имела существенной связи со смертностью. В частности, в Чешской республике, где было зафиксировано более низкий уровень смертности, свыше 48% взрослого населения было вовлечено в определенную общественную организацию, тогда как в бывших советских республиках социальное членство составляло в среднем меньше, чем 10%¹. Таким образом, изучение гражданских практик является крайне важным для переходных обществ, поскольку выявление этого явления даст возможность прогнозировать как формирование гражданского общества, так и преодоление стрессовых явлений, порожденных экономическими кризисами.

Исследование гражданских практик требует фиксации осуществленных поведенческих актов. Речь идет о действиях, которые произошли в прошлом и не зависят в момент опроса от настроения респондента, его оценки и других субъективных факторов, которые могут повлиять на объективность картины жизни личности. В методологическом плане изучение

гражданских практик нуждается в сравнительных или мониторинговых исследованиях, поскольку устойчивость и воспроизводимость фактических действий можно зафиксировать лишь при условии наблюдения эффекта длительных тенденций поведения отдельных группировок, которые регулярно попадают в выборочную совокупность. В нашем исследовании анализировались общественно-политические практики, которые предусматривают как индивидуальные, так и коллективные формы участия в общественно-политических мероприятиях; практики контактирования граждан с учреждениями и организациями, которые предусматривают обращение к этим институтам ради реализации и отстаивания своих интересов; кооперативные (коллективные, организационные) практики граждан, которые являются систематическими и постоянными действиями людей, добровольно объединившихся в ассоциации ради общей реализации и продвижения своих потребностей и интересов.

В анализе общественно-политических практик использованы массивы эмпирических данных общенациональных репрезентативных омнибусов “Общественное мнение в Украине — 2006”, “Общественное мнение в Украине — 2007” и “Общественное мнение в Украине — 2009”.

Различают конвенциональные (традиционные) и неконвенциональные (нетрадиционные) формы общественно-политической активности, которые зависят от традиций политического участия. Обычно к конвенциональным формам гражданских практик можно отнести достаточно рутинное поведение, которое использует институциональные каналы и является приемлемым

¹Stuckler D., King L., McKee M. Mass privatisation and the post-communist mortality crisis: a cross-national analysis, available at [http://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(09\)60005-2/fulltext](http://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(09)60005-2/fulltext).

для доминирующей в обществе политической культуры. Неконвенциональные формы общественно-политических практик, включая насильственные, используются тогда, когда традиционные формы в силу разных причин становятся недоступными, или же когда не приносят желаемого результата.

Следовательно, результаты трех обследований дают возможность наблюдать динамику общественно-политических практик в годы интенсивных политических преобразований в Украине (табл. 1). Сравнивая результаты исследований, нужно иметь в виду то, что после пика гражданской активности, вызванной президентскими выборами в 2004 году, неминуемым было снижение вовлеченности населения в политическую сферу.

Таблица 1

Динамика ответов населения Украины на вопрос “В каких общественно-политических мероприятиях Вы лично принимали участие на протяжении последних 12 месяцев?” (%)

Варианты ответа		2006	2007	2009
Конвенциональные практики	Убеждал друзей, близких, знакомых в правоте своих политических взглядов	22,5	12,1	10,2
	Носил символику политического характера	7,8	1,7	2,1
	Контактировал с официальными представителями власти	3,9	2,3	1,3
	Контактировал с активистами политических организаций	6,3	2,7	2,7
	Принимал участие в работе предвыборных штабов	8,2	–	–
	Принимал участие в работе общественных организаций	–	2,9	2,4
	Рассылал сообщения политического содержания через мобильный телефон и электронную почту	0,8	0,2	2,5

Неконвенционные практики	Собирал подписи под коллективными обращениями	3,1	1,9	0,4
	Не покупал определенные товары из политических соображений	2,9	2,2	2,7
	Принимал участие в законных митингах и демонстрациях	7,9	4,9	4,0
	Принимал участие в голоданиях протеста	0,3	0,2	0,2
	Принимал участие в бойкоте (отказывался выполнять решения администрации, органов власти)	0,2	0,3	0,4
	Принимал участие в несанкционированных митингах, демонстрациях, забастовках	0,6	0,3	0,6
	Пикетировал государственные учреждения	0,7	0,3	0,4
	Блокировал пути сообщения	0,2	0,2	0,4
	Принимал участие в захвате зданий государственных учреждений	0,1	0,1	0,1
	Другое	0,7	0,7	0,1
В ни одном из таких мероприятий участия не принимал	64,7	79,9	83,7	
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ЦЕЛОМ	35,3	20,1	16,3	
Конвенционные общественно-политические практики	33,3	16,7	13,5	
Неконвенционные общественно-политические практики	17,2	10,1	8,7	

Примечание: Сумма процентов превышает 100%, поскольку респондент мог выбрать более чем один вариант ответа.

Привлекает внимание то, что среди населения Украины более распространенные те практики, которые связаны с предвыборными кампаниями. Парламентские выборы в 2006 году продолжили соревнование политических сил и воспроизводили предыдущие методы агитации. Однако уже в следующем, 2007 году политическая активизация, вызванная роспуском парламента, не приобрела такого распространения, как в прошлом. Участие в подавляющем большинстве форм общественно-политических мероприятий ощутимо снизилось — почти вдвое. Особенно

ощутимым стало снижение показателей таких форм, как убеждение других в правоте своих политических взглядов, ношение политической символики и контактирование с политическими активистами. В то же время в 2009 году несколько выросла такая новейшая форма гражданских практик, как рассылка сообщений политического содержания через мобильный телефон и электронную почту. В целом произошло ощутимое снижение конвенциональных общественно-политических практик: 2006 — 33,3%, 2007 — 16,7%; 2009 — 13,5%.

Особенностью украинского общества является то, что низкие показатели конвенциональных форм практик не повлекли роста неконвенциональных форм. Участие в неконвенциональных мероприятиях также ощутимо снизилось: 2006 — 17,2%, 2007 — 10,1%; 2009 — 8,7%. Анализируя динамику неконвенциональных практик, нужно принять во внимание тот факт, что в исследовании, которое провел Институт социологии НАН Украины в марте в 2005 году, в целом 20,9% опрошенных дали утвердительный ответ на вопрос «Участвовали ли Вы в акциях протеста в период «оранжевой революции»?». Согласно данным второй волны опроса Европейского социального исследования (ESS), которое проводилось в январе—марте 2005 года, 24% населения Украины на протяжении последних 12 месяцев принимали участие в неконвенциональных практиках. Если сравнить результаты второй (2005) и третьей (2007) волн опросов ESS относительно такой формы неконвенциональных практик, как участие в санкционированных митингах или демонстрациях, то зафиксировано резкое снижение — соответственно 21,6% и 7,1%. Таким образом, на протяжении 2004—2009 гг. происходит существенное снижение проявлений протестных практик. Несмотря на многочисленные прогнозы роста протестных действий

населения в связи финансовым кризисом, социальное напряжение не вылилось в конкретные действия.

В анализе практик контактирования граждан с учреждениями и организациями использован массив эмпирических данных социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Украины в феврале-марте 2002 года. В рамках общенациональных репрезентативных omnibus "Общественное мнение в Украине — 2007" и "Общественное мнение в Украине — 2009" было предложено воспроизвести аналогичный вопрос с соответствующим перечнем учреждений и организаций. Результаты трех социологических обследований свидетельствуют о существенной динамике (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика ответов населения Украины на вопрос "Обращались ли Вы за последние 12 месяцев в перечисленные ниже учреждения или организации для решения Ваших личных проблем?" (%)

Учреждения или организации	2002	2007	2009
Милиция	10,3	5,1	4,2
Суд	4,8	3,6	4,6
Прокуратура	2,7	0,8	1,1
Адвокат	5,3	3,7	3,2
Местная госадминистрация	9,5	4,5	4,6
ЖЭК	26,7	21,6	13,4
Местный Совет	7,8	6,5	5,0
Депутат местного Совета	2,8	2,6	1,9
Депутат Верховной Рады	1,2	0,7	0,3
Секретариат (Администрация) Президента	0,8	0,9	0,4
Правительство	0,7	0,6	0,4
Министерство, ведомство	1,1	0,9	0,5
Профсоюз	7,6	3,6	2,6
Общественная (политическая) организация	2,1	1,3	1,0
Средства массовой информации	2,5	1,8	1,4
Руководитель учреждения, где работаете	23,1	12,7	8,3
Другое	-	1,5	0,6

Практики контакта с учреждениями и организациями в целом	53,2	41,4	31,7
--	------	------	------

Примечание: Сумма процентов превышает 100%, поскольку респондент мог выбрать более чем один вариант ответа.

В частности, если в 2002 году общее количество украинских граждан, которые были задействованы хотя бы в одном контактировании, составляло 53,2%, то в 2007 году таких насчитывалось уже меньше — 41,4% взрослого населения, а в 2009 году — уже 31,7%. Это свидетельствует о существенном снижении практик контактирования с учреждениями и организациями. Ощутимо уменьшилось (почти вдвое) количество обращений в милицию, прокуратуру, местную госадминистрацию, профсоюз и к руководителю учреждения, где работает респондент. В 2009 году зафиксировано снижение обращений в ЖЭК. Можно предположить, что существенное снижение практик контактирования на протяжении семи лет (2002-2009) может быть свидетельством сужения легитимных каналов обеспечения потребностей граждан, или же существует тенденция их уменьшения в структуре гражданских практик, что является следствием патерналистских ориентаций. К такому выводу склоняет двумерное распределение в мониторинговом обследовании в 2002 году, которое свидетельствует, что среди людей, получивших реальную социальную помощь, 66,4% обращались в учреждения или организации. Среди тех, кто нуждался в помощи, но не получил никакой поддержки, зафиксировано 52% контактов. Вместо этого среди тех, кто не нуждался в помощи, лишь 44,2% обращались в учреждения или организации.

Кооперативные практики проявляются преимущественно через членство в организациях, сформированных с целью либо влиять на принятие решений в государственном или муниципальном управлении, либо

отстаивания и реализации специализированных интересов. Эти организации могут охватывать очень широкий спектр общественных проблем. Однако, как свидетельствуют данные социологического мониторинга Института социологии НАН Украины, невзирая на незначительные колебания (рост в 2006 году членства в политических партиях), существенных сдвигов в течение десятилетия не произошло (см. табл. 3). К тому же наблюдается заметное снижение членства в нетрадиционных профсоюзах. Если взять за основу динамику показателя “не принадлежу ни к одной из общественных, политических организаций или движений”, то соответственно членством охвачено лишь 14-17% взрослого населения Украины.

Таблица 3

Динамика ответов населения Украины на вопрос “Членом какой из общественных или политических организаций Вы являетесь?”(%)

	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008
Клуб по интересам	2,0	1,6	1,3	2,5	1,2	1,7	1,7	2,2
Политическая партия	0,7	0,5	0,9	0,8	2,2	1,9	4,6	2,8
Общественно-политическое движение	0,4	0,4	0,4	0,2	0,7	0,6	0,8	0,7
Экологическое движение	1,3	0,9	1,5	1,1	2,0	1,3	0,9	0,7
Общественная организация, фонд, ассоциация	0,9	0,6	0,6	0,8	0,7	0,7	0,9	1,3
Нетрадиционный профсоюз	3,3	1,0	1,4	1,5	0,3	0,4	0,2	0,4
Творческий союз	1,2	0,4	0,7	0,6	0,4	0,5	0,5	0,8
Спортивный клуб, общество	3,2	2,7	2,7	2,8	2,0	2,1	1,8	2,4
Объединение по специальности	2,7	2,3	2,0	2,9	2,8	2,9	1,9	2,6

	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008
Студенческое общество, молодежная организация	1,7	1,6	1,4	2,0	1,8	1,4	1,3	1,6
Религиозная организация, церковная община	3,0	3,3	3,9	5,2	4,0	4,2	2,6	2,8
Объединение фермеров	0,7	0,2	0,3	0,7	0,9	0,4	0,3	0,5
Другая организация, объединение, движение	0,7	1,1	0,6	1,0	0,9	0,7	0,8	0,7
Не принадлежу к ни одной из общественных, политических организаций или движений	82,2	86,7	86,6	82,9	83,9	83,8	83,6	83,3
Не ответили	0,9	0,0	0,2	0,1	0,2	0,0	0,1	0,1

В условиях финансово-экономического кризиса носители гражданских практик приобретают дополнительные преимущества, поскольку им легче переориентироваться на необходимость экономического выживания и адаптацию к новым социально-экономическим условиям. Этому способствует то, что навыки гражданской активности и ценности политической эффективности выступают как дополнительный социальный ресурс. Общественно-политические практики способствуют усвоению человеком необходимых норм и моделей социального поведения (включительно с ощущением гражданского долга), которые дают возможность приобрести опыт и необходимую поддержку со стороны официальных структур. Практики контактирования с учреждениями, например, написание жалоб, ходатайств или запись на прием требуют от человека определенной компетенции, определенных навыков,

способности грамотно выкладывать свои требования в доступной манере, приемлемой для политиков и бюрократов. Это побуждает человека интересоваться системой функционирования государственного управления, ее иерархии. В последнее время в больших городах получают распространение объединения граждан Украины у разного рода клубы любителей определенного автомобиля, мотоцикла, бренда и тому подобное. И хотя эти клубы по интересам на первый взгляд не имеют гражданского направления, все же внутреннее взаимодействие, общение в клубах способствуют в последующем солидаризации и взаимопомощи. В частности, активисты клуба помогают друг другу в случае лечения родственников, аварий и ДТП и тому подобное².

Доказательством преимущества носителей гражданских практик является то, что граждане, осуществляющие практики, в большей степени обеспечены работой. В частности, результаты исследования “Общественное мнение в Украине — 2009” выявили, что среди принимающих участие в общественно-политических мероприятиях лишь 29,1% безработных, тогда как среди неучаствующих — таких 40,4%. Аналогичным образом такая же тенденция прослеживается относительно практик контактирования с учреждениями или организациями: среди тех, кто обращался — 32,5% безработных, тогда как среди тех, кто ни разу не обращался, 41,3% не имеют работы. По данным социологического мониторинга Института социологии НАН Украины (в 2008 г.), среди членов общественных организаций – безработных 29,9%, тогда как среди тех, кто не задействован в кооперативные практики, – таких 44,1%. Собственно такие же отличия наблюдаются относительно желаний открыть свое дело (собственное предприятие, фермерское хозяйство и др.): среди задействованных в общественные организации 54%

имеют предпринимательские амбиции, тогда как среди неучастников таких 44,3%. Возможным объяснением этих отличий является тот факт, что уровень интернальности (убежденности, что собственная жизнь в большей степени зависит от самого себя, а не от внешних обстоятельств) несколько выше среди вовлеченных в кооперативные практики – 27,5%, тогда как среди невовлеченных таких 21,1%.

Очевидно, что стратегии адаптации граждан зависят не только от имеющейся ситуации, но и от предыдущего опыта и приобретенных навыков. Наличие этого социального ресурса предопределяет у людей высокие жизненные домогательства.

Если сравнить ответы на вопрос “Имеете ли Вы намерение в течение ближайших двух-трех лет осуществить следующее?..” вовлеченных и невовлеченных респондентов в гражданские практики, то прослеживается определенная разница (табл. 4).

Таблица 4

Распределение групп респондентов, привлеченных в гражданские практики, относительно собственных намерений в будущем, 2009 (%)

“Имеете ли Вы намерение в течение ближайших двух-трех лет осуществить следующее?..”	Общественно-политические практики		Практики контактирования	
	Да	Нет	Да	Нет
Создать (расширить) собственный бизнес	10,2	7,6	10,4	6,8
Сменить работу на более престижную (высокооплачиваемую)	19,7	15,4	21,2	13,8
Подняться по служебной лестнице	12,2	6,5	11,5	5,5

²Трибушная Е. Братья по колесам // Корреспондент. 23 октября 2009. — № 40 (379). — С. 44-45.

Повысить профессиональную квалификацию (образовательный уровень)	17,3	12,5	17,1	11,5
Достичь успехов в профессиональной сфере другим способом	10,2	5,2	6,9	5,6
Занять определенную выборную должность	3,1	1,9	2,8	1,7
Улучшить жилищные условия	35,7	27,0	35,3	25,3
Улучшить материальное положение	57,5	46,3	56,6	44,2
Улучшить качество проведения свободного времени (отдыха)	28,2	20,8	30,9	18,0
Улучшить свое социальное положение другим способом	5,4	4,4	4,6	4,6
Буду пытаться сохранить социальное положение, которое имею	29,3	33,8	29,3	34,9
Другое	0,7	1,1	1,1	1,0
Затрудняюсь ответить	6,8	15,2	9,5	15,8

В частности, носители гражданских практик, как общественно-политических, так и контактирования с учреждениями и организациями, имеют большие притязания в предпринимательской, образовательно-квалификационной, материальной, жилищной и культурных сферах. Вместо этого неактивные граждане в большей степени неопределенные относительно своих действий в будущем или же пытаются сохранить уже имеющееся социальное положение. Такие результаты наталкивают на вывод, что гражданские практики населения являются важным ресурсом преодоления последствий финансового кризиса.

Если проанализировать группы вовлеченных или невовлеченных в кооперативные практики относительно уровня их удовлетворенности определенными социальными потребностями, которые определяют

социальное самочувствие и восприятие своего положения, то наблюдаются ощутимые отличия (см. табл. 5).

Таблица 5
Удовлетворенность определенными социальными благами групп респондентов, вовлеченных или невовлеченных в кооперативные практики, 2008 (%)

Хватает из приведенного:	Кооперативные практики	
	Да	Нет
Работы, что подходит	44,3	29,7
Современных экономических знаний	25,0	20,5
Уверенности в своих силах	46,3	39,4
Современных политических знаний	32,3	22,8
Решительности в достижении своих целей	45,5	36,2
Юридической помощи для защиты своих прав и интересов	20,6	13,7
Инициативы и самостоятельности во время решения жизненных проблем	50,7	44,4
Возможности работать с полной отдачей	49,7	37,4
Уверенности в собственном будущем	16,2	12,1
Возможности дать детям полноценное образование	21,5	14,4

Группа тех, кто является членом общественных организаций, в большей степени удовлетворена социальными благами, чем невовлеченные в кооперативные практики. Большая уверенность в собственных силах, знание, решительность и инициативность дают возможность во время кризиса использовать этот ресурс и не растеряться. Этому также способствует работа по призванию и возможность трудиться с полной отдачей. К тому же сравнение этих групп по оценке собственного материального состояния также свидетельствует о существенных отличиях. Среди тех, кто вовлечен в кооперативные практики, оценили свое материальное положение как бедное – 27,5%, как

среднее – 68,8%. Среди невовлеченных – 41,2% оценили свое материальное положение как бедное, 53,7% – как среднее.

Таким образом, в условиях экономического кризиса гражданские практики могут стать определяющими факторами формирования оптимальных стратегий адаптации к разного рода трудностям. Высший уровень социального самочувствия, более оптимистичная оценка собственного материального положения, опора на собственные силы способствуют накоплению моральных и социально-психологических ресурсов, которые дают преимущества носителям гражданских практик для самоактуализации человека в социальной жизни. Это сказывается на значительно больших притязаниях в предпринимательской, образовательно-квалификационной, материальной, жилищной и культурной сферах. Опыт гражданских практик дает возможность их носителям занимать более выгодные социальные позиции, более успешно преодолевать экономические неурядицы. Однако тенденция снижения количества населения, которое вовлечено в гражданские практики, свидетельствует об уменьшении этого ресурса.

ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Наталия БОЙКО,
кандидат социологических наук, старший научный
сотрудник Института социологии НАН Украины

Сегодня уже практически не подлежит сомнению тот факт, что движение к информационному обществу – это путь в будущее человеческой цивилизации, который существенно трансформирует устоявшиеся представления и открывает новые возможности во всех сферах социального бытия. Новейшие информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), в частности интернет-технологии, предоставляют потенциально неограниченные возможности глобальной интеграции и повышения конкурентоспособности социальных агентов.

Современные ИКТ – это шанс и для малых предприятий, и для отдаленных поселков, и для транзитивных стран интегрироваться во всемирное информационно-коммуникационное пространство, стать полноценными участниками глобального процесса, осуществлять свою деятельность в сфере экономики, в социальной сфере, в политике, культуре, образовании, науке и тому подобное. Это возможность для каждого актора глобального мира реализовывать свои бизнесовые, научные и другие интересы и в своей стране, и в общемировом масштабе.

Возникнув как средство для обмена информацией, Интернет сегодня представляет территорию, на которой активно продают и покупают, рекламируют и оплачивают товары и услуги, пользуются возможностями интернет-банков, голосуют, ищут работу, общаются, реализуют свои профессиональные, бизнесовые, политические интересы и тому подобное. Использование Интернета все чаще становится стандартом повседневной жизни людей всего мира. Аудитория Всемирной сети неуклонно растет. Сегодня Интернет уже следует рассматривать как незаменимый инструмент. При благоприятных условиях эти технологии помогают обеспечивать повышение производительности труда, экономического роста, создание новых рабочих мест, расширение возможностей и трудоустройства, и сотрудничества, в конечном итоге – повышение общего качества жизни, что, несомненно,

делает современные ИКТ одним из факторов обеспечения национальной безопасности.

Нынешний финансово-экономический кризис стал тяжелым испытанием для Украины, быстро распространившись на денежно-кредитную, фискальную, социальную сферы, ухудшив социально-самочувствие и ожидания социально-экономических субъектов, и рядовых граждан. Ощутимым следствием кризиса стало общее ухудшение качества жизни населения в связи с комплексным влиянием снижения доходов, бюджетных расходов и стремительного роста безработицы. Глобальный экономический кризис привел к снижению потребительского спроса на товары и услуги, массовым увольнениям и сокращению рабочих мест, уменьшению реальных доходов граждан, изменению социальной и имущественной структуры населения.

Соответственно в условиях социально-экономического кризиса актуализируются вопросы адаптивных возможностей, адекватности и конструктивности поведения личности. Именно успешность этих процессов ощутимо влияет на последующие тенденции социального и экономического развития общества, выступает фактором успешной самореализации и адаптации к неблагоприятным кризисным условиям.

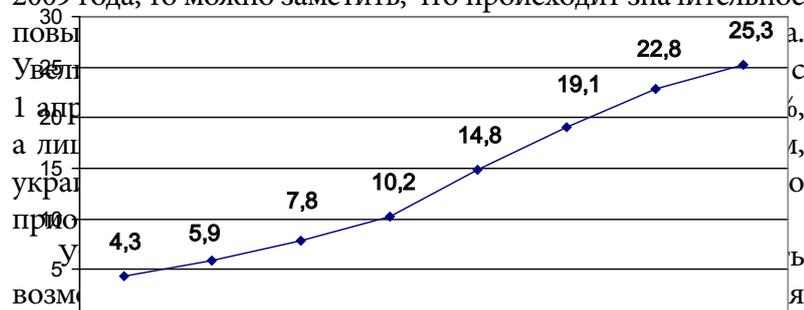
Общими критериями успешности адаптации являются субъективное самооценивание степени адаптации, позитивное эмоциональное состояние, наличие возможностей для дальнейшего развития, позитивное ретроспективное оценивание будущего. К. Левин, исследуя индивидуальные особенности стратегий адаптации к изменению ситуации, признавал важность социального контекста как мощного стимулятора или средства ограничения поведения¹.

Вхождение в определенную социальную зону, в частности в зону современных информационно-коммуникационных технологий, в зону Интернета, на наш взгляд, расширяет поле самореализации и выступает дополнительным инструментом адаптации личности к последствиям социально-экономического кризиса.

Заметим, что невзирая на все трудности, постигшие в условиях кризиса жителей Украины, количество пользователей Интернета в стране неуклонно растет (рис. 1).

Более того, в условиях кризиса был выявлен достаточно интересный феномен. Как мы уже отмечали, основным признаком глобального экономического кризиса стало реальное уменьшение прибылей населения, сокращение расходов на продукты питания и другие товары народного потребления, снижение потребительского спроса на товары и услуги. Это подтверждают и данные Госкомстата Украины². Наблюдается общее сокращение абонентов мобильной связи, абонентов кабельного телевидения. Так, например, за 2008 год общее количество абонентов мобильной связи сократилось на 266,9 тыс. человек, а лишь за первый квартал 2009 года – на 420 тыс. человек. В то же время, даже в условиях кризиса фиксируется стремительный рост количества абонентов сети Интернет в Украине. Так, по данным Госкомстата Украины, в 2008 году количество абонентов сети выросло на 516,5 тыс. человек, а лишь за первый квартал 2009 года – на 100,5 тыс. человек.

Если проследить динамику изменения количества абонентов связи в Украине за 2008-й и первый квартал 2009 года, то можно заметить, что происходит значительное

сравнения было выделено две группы: 1 – пользователи Интернета (25,3%), в которую вошли респонденты, давшие утвердительный ответ на вопрос: “Пользуетесь ли Вы Интернетом?”; 2 – не пользователи (74,7%), в которую вошли респонденты, которые при ответе на вопрос “Пользуетесь

² Левин К. Теория поля в социальных науках. – СПб.: Речь, 2000. – 368 с.

ли Вы Интернетом?” отметили: “не имею потребности и никогда не пользуюсь”.

Исследование выявило схожее восприятие ситуации, сложившейся сегодня в стране, представителями обеих социальных групп: больше всего украинцы боятся безработицы, роста цен и невыплат зарплат, пенсий. Можно предположить, что эти страхи связаны с оценкой населением долговременных последствий нынешнего экономического и финансового кризиса, среди которых, в первую очередь, люди отмечают существенный рост безработицы и резкое снижение уровня жизни, а также упадок промышленной сферы и разрушение финансовой системы.

Кризис повлиял на всех жителей страны. В целом лишь 4,1% респондентов, отвечая на вопрос: “В какой мере Вас и Вашей семьи коснулся финансово-экономический кризис?” отметили, что их он “практически не коснулся”. Подавляющее же большинство (61,8%) отметило, что кризис коснулся их “достаточно ощутимо, но не катастрофически” (табл.1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: “В какой мере Вас и Вашей семьи коснулся финансово-экономический кризис?” (N=1793, %)

	Не пользователи	Пользователи Интернета	В целом по Украине
Можно сказать, что катастрофически	19,7	13,7	18,2
Достаточно ощутимо, но не катастрофически	60,6	61,7	61,8
Лишь немного	16,0	18,9	16,0
Можно сказать, что практически не коснулся	3,6	5,7	4,1

Выделенные группы демонстрируют схожее восприятие ситуации, но им присущи и определенные отличия.

² Державний комітет статистики України / Статистична інформація. Транспорт і зв'язок. Абоненти зв'язку. – Режим доступу: <http://www.ukrstat.gov.ua>.

Результаты предыдущих исследований свидетельствуют о том, что у пользователей Интернета более разнообразный (насыщенный) стиль жизни по сравнению с другими группами³. Можно предположить, что это, с одной стороны, делает их более уязвимыми в условиях кризиса (будучи задействованными в разных сферах жизни, они имеют больше точек соприкосновения с кризисом в разных сферах), а с другой – расширяет пути преодоления кризиса и возможности адаптации к нему.

Результаты исследования подтверждают эти предположения. Следует заметить, что в группе пользователей отмечается более широкое влияние кризиса. Так, например, проблемы, связанные с сокращением объемов выплат заработной платы (пенсии), коснулись 36,6% пользователей и 29,8% не пользователей; проблемы, связанные с трудностями возвращения взятого в банке кредита, ощутили 22,7% пользователей и 15% не пользователей; трудности с возвращением своего взноса в банк соответственно 12,8% против 8,5% (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: “Что из ниже перечисленного коснулось Вас или кого-нибудь из членов Вашей семьи во время нынешнего экономического кризиса в Украине?” (N=1793, %)

	Не пользователи	Пользователи Интернета	В целом по Украине
Увольнение (сокращение) с работы	21,4	19,8	20,8
Невыплата или выплата в неполном объеме заработной платы (пенсии)	29,8	36,6	32,1
Трудности с возвращением взятого в банке кредита	15,0	22,7	17,6

Трудности с возвращением своего взноса в банк	8,5	12,8	10,0
Сокращение потребления продуктов питания	53,6	42,7	51,5
Уменьшение покупок одежды, обуви, других вещей	58,4	65,6	61,8
Снижение качества коммунальных услуг (обеспечение горячей водой, отопление и тому подобное)	18,0	20,9	19,4
Другое (напишите)	2,8	4,2	3,5
Никак не коснулось	7,0	7,5	6,7

С другой стороны, пользователи интернет-сети более оптимистичны в оценке возможностей преодоления финансово-экономического кризиса. Так, 57,3% пользователей Интернета считают, что к 2020 году ситуация в стране улучшится, и только 20,8% считают, что ситуация ухудшится (среди не пользователей – 46,4% и 22,7% соответственно).

Пользователи активно строят планы и на ближайшее время. Так, они настроены в течение ближайших двух-трех лет улучшить свое материальное положение (61,9% против 39,8% среди не пользователей), улучшить качество проведения свободного времени (36,6% против 15,1% среди не пользователей), повысить профессиональную квалификацию (образовательный уровень) – 30,6% против 5,3% среди не пользователей, поменять работу на более престижную (высокооплачиваемую) – 26,2% против 10,6% среди не пользователей, а также создать (расширить) собственный бизнес – 18,1% против 3% среди не пользователей (табл. 3).

Таблица 3

³Бойко Н. Новітні інформаційні технології та сучасний стиль життя // Стиль життя: панорама змін. – К.: Інститут соціології НАН України, 2008. – С.157-220.

Распределение ответов на вопрос: “Имеется ли у Вас намерение в течение ближайших двух-трех лет осуществить следующее..?” (N= 1792, %)

	Не пользователи	Пользователи Интернета	В целом по Украине
Создать (расширить) собственный бизнес	3,1	18,1	8,0
Изменить работу на более престижную (высокооплачиваемую)	10,6	26,2	16,1
Подняться по служебной лестнице	3,0	18,3	7,4
Повысить профессиональную квалификацию (образовательный уровень)	5,3	30,6	13,2
Достичь успехов в профессиональной сфере другим образом	3,6	11,5	6,0
Занять определенную выборную должность	1,7	2,9	2,1
Улучшить жилищные условия	23,3	35,0	28,5
Улучшить материальное положение	39,8	61,9	48,2
Улучшить качество проведения свободного времени (отдыха)	15,1	36,6	22,0
Улучшить свое социальное положение другим образом (напишите)	4,7	3,5	4,5
Буду пытаться сохранить социальное положение, которое имею	39,4	20,3	33,0
Другое (напишите)	1,0	1,3	1,0
Трудно ответить	18,4	5,1	13,8

Как подтверждают результаты нашего исследования, пользователи выбирают для себя более активные способы выхода из кризиса (стратегии адаптации). Так, из тех

жителей Украины, кто потерял работу, 64,5% пользователей отмечают, что будут искать работу, пока не найдут, то есть избирают активно-действенную стратегию преодоления последствий кризиса (среди не пользователей таких 58,3%). Пассивную стратегию адаптации, которая выявляется в отсутствии планов на будущее в случае потери работы, чаще избирают не пользователи – 30% против 17,2% в группе пользователей Интернета.

В 2009 году пользователи чаще используют Интернет для реализации своих планов и интересов (табл. 4).

Таблица 4

Динамика распределения ответов на вопрос: “С какой целью Вы используете Интернет?” среди пользователей Интернета (%)

Варианты ответов	2006 N=293	2007 N= 340	2009 N=452
Знакомлюсь с последними новостями, текущей информацией	38,8	39,4	47,8
Ищу информацию для обучения/повышения квалификации	36,5	38,5	42,7
Нахожу новые компьютерные игры	*	11,2	10,4
Просто блуждаю по сети	20,5	15,3	21,2
Общаюсь в чатах, ICQ, социальных сетях (“Одноклассники”, “Вконтакте” и тому подобное)	16,4	17,9	36,7
Принимаю участие в форумах, конференциях	7,8	4,4	6,2
Пользуюсь электронной почтой	28,3	35,6	47,8
Ищу информацию, нужную для выполнения профессиональных обязанностей	35,6	40,0	40,0
Нахожу и читаю/переписываю в свою электронную библиотеку художественные книги	6,4	7,4	9,1
Читаю анекдоты, юмор	*	12,6	14,2
Ищу информацию на темы, которые меня интересуют (кулинария, автомобили, садоводство, спорт, живопись и тому подобное)	33,8	30,9	48,7
Ищу информацию о вакансиях, возможности трудоустройства	*	*	18,8
Нахожу и слушаю/переписываю музыку, фильмы	22,4	24,7	33,4
Играю в компьютерные игры он-лайн	*	*	14,4
Слушаю передачи радиостанций через Интернет	*	3,8	6,4

Ищу единомышленников, партнеров для реализации новых идей, проектов, инициатив	*	*	5,1
Общаюсь посредством специальных программ (Скайп)	*	*	11,5
Ищу информацию о товарах/услугах	14,2	14,7	19,9
Осуществляю покупки он-лайн	2,7	2,6	5,1
Веду виртуальный дневник, "Живой Журнал", имею свой сайт	*	1,2	1,8
Нахожу информацию на темы секса, эротики	*	5,3	*
Подрабатываю (создаю сайты на заказ, распространяю рекламу и тому подобное)	2,3	1,5	1,5
Посещаю сайты государственных, общественных структур и тому подобное	*	*	10,6
Другое (напишите)	2,7	0,9	1,1
Не использую Интернет	-	4,7	1,3

* Этот вариант ответа в вопросах того года не предоставлялся

Нетрудно заметить, что по сравнению с 2007 годом произошли значительные качественные изменения в использовании Интернета. Повышается общая активность пребывания в сети, разнообразятся интересы пользователей, а также формы и цели использования Интернета. Это и ознакомление с последними новостями, текущей информацией; и поиск информации для обучения/повышения квалификации и информации по интересам; использование электронной почты; общение в сети; поиск информации о товарах/услугах и покупки он-лайн; посещение сайтов государственных, общественных структур и тому подобное. Украинцы уверенно выбирают Интернет в качестве надежного спутника своей жизни, даже невзирая на кризис.

Всемирная интернет-сеть предоставляет и дополнительные возможности активизации усилий в преодолении последствий кризиса. Потенциально в новейших ИКТ заложены определенные ресурсы (недоступные вне интернет-сети), которые расширяют способы и средства решения острых проблем, порождаемых

кризисом, и увеличивают шансы активно-позитивной адаптации к нему.

Использование Интернета обеспечивает:

- поиск работы (вакансий) через Интернет, что увеличивает ресурсы активного самостоятельного выхода из кризиса;

- получение работы непосредственно в сети (новые профессии, которые возникают с появлением Интернета), что увеличивает возможности заработка, расширяя индивидуальное поле возможностей преодоления кризиса (например, веб-дилер, веб-дизайнер и тому подобное);

- реализацию купли-продажи товаров через Интернет, что позволяет сэкономить время и деньги, в частности на аренду офиса или стоимость товара и тому подобное;

- поиск партнеров (заказчиков), налаживание связей для реализации своих интересов, что увеличивает коммуникативно-производственные резервы пользователей;

- организация и развитие бизнеса (Интернет – это место, где можно стартовать с относительно небольшим начальным капиталом);

- оперативная связь посредством сети (использование электронной почты, программы Скайп экономит и время, и деньги);

- увеличение возможностей сбора необходимой информации, что предотвращает вероятные риски и негативные последствия развития событий или минимизирует их (отслеживание разных аспектов развития событий для принятия оптимального решения), в частности относительно осуществления определенных финансовых, экономических шагов или риска быть обманутым недобросовестными работодателями, продавцами или партнерами и тому подобное;

– возможность просто отдохнуть, снять эмоциональное и психологическое напряжение, что увеличивает шансы снятия психологических последствий влияния кризиса (общение, игра, занятие любимым делом и тому подобное).

Анализ данных показывает, что пользователи достаточно активно реализуют эти возможности (см. табл. 4). Так, по результатам нашего исследования, количество тех пользователей Интернета, которые в сети знакомятся с последними новостями, текущей информацией, в 2009 году по сравнению с 2007-м возросло на 8,4%; количество тех, кто в сети ищет информацию для обучения/повышения квалификации увеличилось на 4,2%; количество тех, кто пользуется электронной почтой – на 12,2%; количество тех, кто ищет информацию о товарах, услугах – на 5,2%.

В 2009 году 18,8% пользователей отметили, что ищут в сети информацию о вакансиях, возможности трудоустройства, а 10,6% – посещают сайты государственных, общественных структур и тому подобное.

Кроме того, Интернет постоянно и практически в неограниченных объемах предоставляет возможности и отдохнуть, и пообщаться, посоветоваться с друзьями и компетентными лицами, что также способствует преодолению последствий кризиса, активизируя индивидуальные адаптивные стратегии, в конечном итоге – разнообразит жизнь.

Так, например, по результатам нашего исследования, количество тех пользователей Интернета, которые общаются в чатах, ICQ, социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте» и тому подобное) в 2009 году по сравнению с 2007 годом увеличилось на 18,8%; количество тех, кто в сети ищет информацию на темы, которые интересуют (кулинария, автомобили, садоводство, спорт, живопись и тому подобное), увеличилось на 17,8%; количество тех, кто находит и слушает/переписывает музыку, фильмы,

увеличилось на 8,7%; количество тех пользователей, кто просто путешествует по интернет-сети, увеличилось на 5,9%.

Следовательно, результаты опроса подтверждают, что современные информационно-коммуникационные технологии выступают достаточно мощным инструментом активизации личностных стратегий адаптации к кризису. Не пользователи фактически лишены данного ресурса, что определенным образом сужает их адаптивные возможности. Вместе с тем опыт энергичных почитателей интернет-сети убеждает, что даже в тяжелые времена мировых финансово-экономических потрясений не следует терять надежду и опускать руки.

Применение и совершенствование этого мощного ресурса поможет в строительстве ориентированного на интересы людей, открытого информационного общества, в котором каждый сможет создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими. В таком обществе человек, упорно преодолевая повседневные трудности, будет успешнее развивать свои способности, соиздательную активность, повышать качество жизни.

Интернет открывает большие возможности в разных сферах бытия, но не следует забывать и о том, что эта открытость скрывает и определенные угрозы безопасности и страны, и отдельной личности. Государство и общество в контексте реализации программ национальной безопасности страны призваны активнее содействовать гражданам как в предоставлении более широких возможностей приобщения к интернет-технологиям, так и в формировании и соблюдении надлежащей интернет-культуры, что позволит более эффективно использовать возможности сети и предотвращать вероятные негативные последствия.

МЕСТО РЕЛИГИИ В СТРАТЕГИЯХ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ К КРИЗИСНЫМ УСЛОВИЯМ

Максим ПАРАЩЕВИН,
кандидат социологических наук, научный сотрудник
Института социологии НАН Украины

Вопрос религиозной принадлежности и религиозных убеждений является сложным и многогранным. Наиболее часто он рассматривается с точки зрения степени принадлежности населения к тем или иным конфессиям, интенсивности религиозной жизни (посещаемости церквей, частоты молитвенных обращений и т.п.). Тем не менее, социальные науки должны скорее обращать внимание на значение религиозной принадлежности для повседневной жизни. То есть, необходимо понять, в какой мере принадлежность к той или иной религиозной организации, или само наличие религиозных убеждений, влияют на непосредственное поведение личности и социальных групп, являются значимыми для формирования социального самочувствия. И одним из аспектов здесь может быть то, способствует ли религия формированию чувства безопасности, которое в условиях нынешнего политического и экономического кризиса попадает под угрозу.

Конечно, религия и сама может быть источником опасности. Противоречия между верующими разных религий могут приводить к конфликтам разной интенсивности, к противостоянию внутри государства или между государствами. Соответствующие представления

разделяет немалая часть населения Украины. Например, во всеукраинском опросе 2008 года, проведенном в рамках международного сравнительного проекта ISSP, ставился вопрос относительно меры согласия с утверждением “во всем мире религия скорее является источником конфликтов, чем мира”. То есть, была сделана попытка выяснить мнение граждан о том, чем являются религии в современном мире — источником солидарности и объединения или, напротив, раздора и противостояния. Выяснилось, что более четверти украинцев (28%) разделяют точку зрения, согласно с которой доминирующие в современном мире религиозные мировоззрения не только разные или несовместимые, но и естественно генерируют противостояния и конфликты; 24% насколько согласились с этим утверждением, настолько и не согласились. Впрочем, треть респондентов (32%) считала религии источником скорее мира, чем конфликтов. Конечно, более негативно предложенный тезис восприняли религиозные люди, хотя и среди них каждый четвертый (26%) все-таки считал религии источником скорее конфликта; еще почти столько же были в чем-то согласны, а в чем-то не согласны с предложенным утверждением (25%), а не поддержали его 34% опрошенных. А вот нерелигиозные люди оказались очень критичными и негативно настроенными — среди них половина согласилась с преобладанием конфликтности религий, тогда как не согласилась 16%.

Однако религия может быть, напротив, источником успокоения и облегчения жизни. Более ярко это проявляется во времена, когда общество в целом, и отдельные его члены в частности, сталкиваются с кризисными условиями. Глобальный финансово-экономический кризис, охвативший и украинскую экономику, является серьезным испытанием для большинства населения. Люди теряют работу, разрушается стабильность их жизни, под угрозу попали их

сбережения, уменьшаются уровень доходов и покупательная способность, а с ними и возможности обеспечения своих материальных и культурных потребностей. Перманентный политический кризис увеличивает разочарование во власти, ведет к потере веры в возможность позитивных изменений. Соответственно усиливается потребность в обеспечении безопасности своей жизни и жизни своих близких в нынешней негативной, нестабильной, неопределенной ситуации. И одним из способов такого поиска безопасного пространства может быть более активное обращение к религии, как через интенсификацию участия в деятельности религиозных общин, так и через модификацию мировоззренческих убеждений и повседневного поведения в направлении их большего согласования с религиозными представлениями.

Способствовать росту чувства безопасности в кризисных условиях религия действительно может. Ведь одной из основных выполняемых ею функций, как в обществе в целом, так и в жизни отдельных людей, является функция компенсаторная.

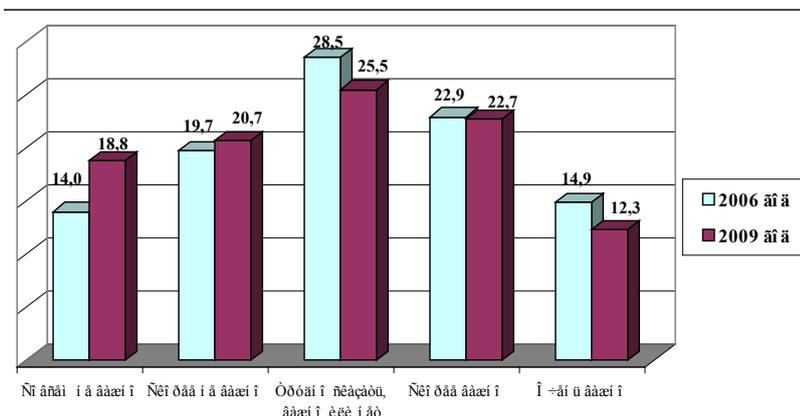
Содержанием своего мировоззренческо-морального учения, а также благодаря непосредственному участию в выполнении религиозных обрядов (которые могут иметь психотерапевтический эффект) и деятельности религиозной общины (через общение, взаимопомощь), религия способна облегчать восприятие существующих проблем, давать надежду на будущее. Например, доминирующее в нашей стране христианство начиналось именно с обращения к наиболее угнетенным и обездоленным, предлагая людям поиск утешения за пределами жестокого мира.

Полученные в мониторинговом исследовании 2009 года Института социологии НАН Украины результаты позволяют представить некоторые аспекты функционирования религии в современных кризисных условиях. В некоторой

степени информацию относительно возможных изменений в обращении к религии дают ответы на вопрос относительно личностной заинтересованности в участии в религиозной жизни. В частности, мы можем определить, произошли ли существенные изменения в этом отношении по сравнению с докризисным временем. В нашем опросе респондентов просили определить с тем, насколько важной лично для них является такая составляющая жизни, как участие в разных религиозных действиях (регулярное посещение богослужений, соблюдение религиозных обрядов и т.п.). По состоянию на 2009 год мнения распределились более-менее равномерно, а именно: 39,5% опрошенных заявили, что такая деятельность для них совсем, или скорее, не важна, 35,0% указали на ее большую или меньшую значимость, тогда как 25,5% не смогли определиться. Эти результаты можно сравнить с распределением ответов на аналогичный вопрос в одном из предыдущих опросов (омнибусе, организованном в 2006 году Институтом социологии НАН Украины). То есть мы можем провести сравнение с опросом, который проводился еще до кризиса, в тот год, когда имел место постоянный экономический рост (хотя этот год и был кризисным политически).

И такое сравнение не демонстрирует существенных сдвигов в самооценках важности религиозной жизни. В 2006 году участие в религиозной жизни было более или менее не важно для 33,7%, а более или менее важным для 37,8% опрошенных, тогда как 28,5% не смогли определиться. То есть соотношение мнений по сравнению с 2009 годом мало изменилось (рис. 1).

Рис. 1. Мера личностной значимости участия в религиозной жизни (регулярном посещении церкви, богослужениях, соблюдении религиозных обрядов и т.п.) (2006, 2009 гг., %)

может усиливать поиски утешения и безопасности в сфере “вечных” ценностей, в церковной поддержке. Конечно, эти данные еще не дают оснований для категоричных выводов, поскольку кризис длится относительно недолго, и у людей сохраняется надежда, что он скоро закончится и все встанет на свои места.

Соответственно, быстрого поворота массового внимания к поискам защиты у религии может и не быть. Не исключен также рост значимости религиозной жизни в случае, если продолжительность кризиса будет значительно большей, чем все ожидают, и/или он будет углубляться.

Также интересным фактом является то, что по оценке значимости разных составляющих жизни, участие в религиозной жизни и в 2006, и в 2009 годах оказывалось на предпоследнем месте. В частности, в анкетах ставился ряд вопросов относительно важности многих составляющих жизни (благополучия детей, отсутствия резкого социального расслоения, крепкого здоровья, крепкой семьи,

национально-культурного возрождения, независимости в суждениях и т.п.; в целом 20 разных составляющих).

Эти вопросы имели порядковую шкалу, и потому их можно сравнивать по показателю среднего балла. И вот в обоих рассмотренных годах средняя оценка значимости участия в религиозной жизни была едва ли не самой низкой по сравнению со средними оценками значимости других составляющих (меньший средний балл был лишь у значимости участия в деятельности политических партий и общественных организаций).

Кроме того, вывод об отсутствии связи между кризисными условиями и усилением обращения к религии как к компенсатору подтверждается тем, что, по нашим данным, в значимости участия в религиозной жизни практически не видно отличий при сравнении групп населения, в разной мере ощутивших на себе влияние нынешнего финансово-экономического кризиса.

В исследовании 2009 года опрошенные разделились на 4 группы:

- 1) тех, для кого влияние кризиса является катастрофичным;
- 2) тех, для кого влияние кризиса является довольно существенным, но не катастрофичным;
- 3) тех, кого этот кризис затронул лишь незначительно;
- 4) тех, кого он практически не затронул.

И вот в этих группах доли тех, для кого участие в религиозной жизни является важным, практически одинаковы, и колеблются в пределах около 35-36% (табл. 1).

Таблица 1

Мера личностной значимости участия в религиозной жизни в зависимости от оценки влияния на респондентов финансово-экономического кризиса (2009 г., %)

Мера влияния кризиса на респондентов	Важность участия в религиозной жизни		
	Не важно*	Трудно сказать, важно или нет	Важно**
Влияние катастрофичное	36,1	28,4	35,5
Влияние достаточно чувствительное, но не катастрофичное	41,3	24,1	34,6
Влияние незначительное (кризис лишь слегка затронул)	38,8	25,2	36,0
Можно сказать, что влияния практически не было	28,8	34,3	36,9

*Объединены доли тех, кто ответил "Совсем не важно" и "Скорее не важно"

**Объединены доли тех, кто ответил "Скорее важно" и "Очень важно"

И снова можно было ожидать, что ориентации на религию будут увеличиваться по мере увеличения влияния кризиса на того или иного респондента. Тем не менее, ничего подобного мы не наблюдаем.

Такую же картину мы увидим, если от общих ориентаций (важно–не важно), перейдем к реальному поведению, а именно к практике посещаемости религиозных строений (церквей, костелов, синагог, мечетей и т.п.). В частности, очень часто (раз в неделю или даже чаще) храмы посещает практически одинаковая доля как среди очень пострадавших от кризиса, так и среди тех, кто пострадал меньше или не пострадал совсем. И точно так же нет статистически значимых отличий и относительно других степеней интенсивности обращения к храмам (табл. 2).

Таблица 2

Частота посещения храмовых сооружений в зависимости от степени влияния на респондентов финансово-экономического кризиса (2009 г., %)

Мера влияния кризиса на респондентов	Частота посещения храмов			
	Раз в неделю и чаще	Один или несколько раз в месяц	Один или несколько раз в год и реже одного раза в год	Совсем не посещают
Влияние катастрофичное	10,7	12,2	54,9	22,2
Влияние достаточно чувствительное, но не катастрофичное	9,3	12,7	56,7	21,3
Влияние незначительное (кризис лишь слегка затронул)	11,4	18,5	50,9	19,2
Можно сказать, что влияния практически не было	13,9	19,4	51,4	15,3

Таким образом, по крайней мере пока, мы не наблюдаем значительных сдвигов в сторону усиления религиозности, несмотря на то, что население сталкивается со значительными угрозами и жизненными трудностями вследствие общего кризиса. Безусловно, на уровне отдельных случаев такие сдвиги имеют место, тем не менее, они не стали массовым явлением.

Также следует попробовать оценить, а могут ли вообще религиозные организации на массовом уровне предоставлять своим членам духовную, психологическую или материальную помощь, способны ли помогать своим членам в решении жизненных проблем и способствовать обеспечению их безопасности? Не превратились ли они лишь в своего рода магические инструменты, к которым обращаются как к специалистам по контакту с сакральным?

Для такой оценки используем один из вопросов мониторингового опроса 2009 года, в котором респондентов просили определить, что они получают от принадлежности к религиозным организациям.

Следует отметить существование значительной доли верующих, которые считают, что не относятся

к определенной религиозной общине. Ведь в нашем исследовании фиксировались следующие соотношения.

- 71,7% опрошенных отметили, что они верят в Бога;
- из указанной выше группы верующих в Бога 58,7% указали, что они принадлежат к определенной религиозной конфессии, тогда как 36,0% не отметили принадлежности ни к одной из конфессий;
- из тех, кто указал, что он принадлежит к определенной конфессии, 29,2% указали, что они не принадлежат ни к одной религиозной общине.

То есть, здесь мы имеем проявление давно отмеченного в социологии религии и других религиоведческих дисциплинах религиозного индивидуализма, вследствие которого верующие считают вполне допустимым и достаточным реализацию своей веры и своих отношений со священным не через принадлежность к религиозным объединениям, а своими собственными силами.

Надо признать, что принадлежность к определенной религиозной общине преимущественно является полезной для верующих. Ведь только 17,3% членов таких общин отметили, что не получают от нее никакой поддержки (еще 14,7% не смогли определиться). Остальные же 68,0% получают ту или иную пользу от такой принадлежности. Причем эта польза преимущественно морального плана. Подавляющее большинство членов религиозных общин (61,0%), получают от последних духовную поддержку. Другие же возможные варианты поддержки (материальная, поддержка советами и польза от знакомства с людьми, которые могут предоставлять помощь в жизни) распространены значительно меньше (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос “Если Вы принадлежите к определенной религиозной общине, то обеспечивает ли Вам

эта община поддержку в повседневной жизни?” среди разных возрастных групп (%)*

Варианты ответов	%*
Да, предоставляет духовную поддержку	61,0
Да, предоставляет материальную поддержку	3,1
Да, предоставляет поддержку полезными советами	11,5
Да, способствует общению с людьми, которые могут помочь в решении жизненных вопросов	12,2
Другое	0,2
Не предоставляет никакой поддержки	17,3
Трудно сказать	14,7

*Сумма процентов превышает 100, поскольку была возможность выбора нескольких вариантов ответов

Можно отметить, что женщины немного чаще мужчин отмечали наличие поддержки со стороны своих общин. В частности, среди мужчин не смогли определиться в представленном вопросе 19,3%, тогда как среди женщин 11,9% (отличия статистически значимы на уровне 0,05). Что касается содержательных ответов, то в выборе всех вариантов поддержки женщины опережали мужчин (хотя все эти отличия и не являются статистически значимыми).

Также фиксируются и определенные возрастные отличия. В частности, в наиболее старшей возрастной категории (более 54 лет), наименьшая доля тех, кто не смог ответить на поставленный вопрос, и наибольшая доля тех, кто отметил наличие духовной поддержки от своей религиозной группы. В младших возрастных категориях (18-29 и 30-54 лет) доли не определившихся уже не отличались, тем не менее определенные отличия продемонстрировали самые молодые верующие, среди которых оказалась наибольшая доля тех, кто не чувствует от своей группы никакой поддержки (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос “Если Вы принадлежите к определенной религиозной общине, то обеспечивает ли Вам

эта община поддержку в повседневной жизни?” среди разных возрастных групп (%)*

	Варианты ответов						
	Да,	Да,	Да,	Да,		Не	Трудно сказать
18-29 лет	49,0	2,0	13,7	10,8	0,0	25,5	17,6
30-54 лет	60,6	3,7	11,4	13,0	0,0	15,9	17,5
55 лет и более	67,0	3,1	10,7	12,1	0,4	15,6	10,3

*Сумма процентов по каждой строке может превышать 100, поскольку была возможность выбора нескольких вариантов ответов

Вместе с тем можно предположить, что на восприятие того, предоставляется или не предоставляется со стороны религиозной группы та или иная поддержка, влияет, так сказать, первичный настрой верующих, а именно личностная значимость участия в религиозной жизни как таковой. Ведь последняя оказывается четко связанной с определением полезности принадлежности к религиозной общине. Если среди лиц, которые отметили, что участие в религиозной жизни (регулярное посещение церкви, богослужений, соблюдение религиозных обрядов и т.п.) не является для них важным, 33,3% считают, что не получают от своей религиозной общины никакой поддержки, то среди тех, для кого участие в религиозной жизни является важным, таких только 9,4%. И наоборот, среди верующих, для которых участие в религиозной жизни является важным, больше тех, кто чувствует духовную поддержку от своей религиозной группы и тех, кому принадлежность к такой группе помогает в расширении круга полезного общения (табл. 5). Причем необходимо отметить, что такие отличия сохраняются во всех выделенных нами возрастных категориях. То есть, можно предположить, что лица, для которых религиозная принадлежность является важной, будут уже лишь вследствие этой важности видеть позитив от принадлежности к той или иной общине.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос “Если Вы принадлежите к определенной религиозной общине, то обеспечивает ли Вам эта община поддержку в повседневной жизни?” среди верующих с разным уровнем личностной значимости участия в религиозной жизни (%)*

Степень значимости участия в	Варианты ответов						
	Да,	Да,	Да,	Да, способствует общению с людьми, которые могут помочь в решении жизненных вопросов		Не	
Не важно**	51,7	0,8	5,0	1,7	0,0	33,3	14,2
Трудно сказать	52,5	0,8	8,5	9,3	0,0	23,7	16,1
Важно***	67,7	4,5	15,1	17,2	0,3	9,4	14,5

*Сумма процентов по каждой строке может превышать 100, поскольку была возможность выбора нескольких вариантов ответов

**Объединены доли тех, кто ответил “Совсем не важно” и “Скорее не важно”

***Объединены доли тех, кто ответил “Скорее важно” и “Очень важно”

Хотя здесь можно предположить наличие и обратной связи. То есть, важность участия в религиозной жизни может зависеть от получения или не получения поддержки со стороны своего религиозного объединения. Ведь получение поддержки со стороны общины может увеличивать значимость религиозной жизни как таковой, а отсутствие такой поддержки уменьшает эту значимость. И, наверное, в жизни реализуются как первый, так и второй сценарии.

Таким образом, можно подытожить, что пока не наблюдается массового сдвига в сторону обращения к религии в условиях экономического и политического кризиса, и усиление обращения к религии не стало одной из стратегий обеспечения собственной безопасности. Конечно, это не означает, что такие сдвиги отсутствуют на уровне отдельных людей, тем не менее, они не приобрели массового

характера. И также нельзя исключать возможности таких сдвигов в будущем, в результате углубления кризиса и ухудшения условий жизни.

Вместе с тем можем высказать некоторые соображения относительно собственно адаптационных возможностей религии в современном мире. Можно предположить, что сейчас такие возможности религии в значительной мере ограничены вследствие нескольких причин. Во-первых, на протяжении продолжительного времени происходила индивидуализация религиозной жизни. Соответственно, роль религиозных общин сводилась преимущественно к роли обычного профессионального исполнителя определенных религиозно направленных действий (ритуалов, обрядов), и обращение к этим общинам часто имеет место только для осуществления этих обрядов, а не как к поводьям в повседневной жизни. Во-вторых, изменился сам подход доминирующих церквей к месту человека в мире. Если на заре существования христианства и на протяжении Средневековья основное внимание направлялось на потустороннее существование, с доминированием, так сказать, идеи “что ты должен сделать для Бога и Церкви”, то сейчас произошла трансформация в направлении служения Церкви именно человеку, по принципу “что Церковь может сделать для меня в этой жизни”. Вследствие этого большие религиозные организации стали лишь одними из многих организаций, призванных обеспечивать комфорт земного существования. И религия вынуждена играть на одном поле и по одним правилам с другими, светскими организациями. И если эти другие организации не имеют ответов на кризисные условия, то не имеют их и религиозные организации.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Николай ШУЛЬГА. Кризис как угроза общественной безопасности	7
Андрей ЗОТКИН. Внутренняя национальная безопасность Украины: испытание перманентным кризисом	32
Елена ЗЛОБИНА. Проблемы национальной безопасности общества в личном измерении.....	49
Александр РЕЗНИК. Гражданские практики украинцев в условиях кризиса.....	71
Наталия БОЙКО. Интернет как фактор адаптации в условиях кризиса.....	86
Максим ПАРАЩЕВИН. Место религии в стратегиях приспособления к кризисным условиям	100

Громадсько-політичне видання

КРИЗА В УКРАЇНІ:
ЗОНИ УРАЖЕННЯ
Погляд соціологів

Упорядник М.О. Шульга

Редактор І.Г. Бойко
Верстка Д.О. Рубіна
Коректор В.М.Гордієнко

Підписано до друку 04.02.2010 р.

Формат 60x90/16

Гарнітура Newton C. Офсетний друк

Ум.-друк. арк. 7,4. Обл.-вид. арк. 7

Тираж 2000 прим.

Зам.№ 10 - 23

ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф»

02094 м.Київ, вул. Віскозна, 8

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру

ДК №2715 від 7 грудня 2006 року

